

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

ПРОСТО ПОДВИГ

К 90-летию со дня рождения Сергея Оганова.

К 90-летию со дня рождения Алексея Береста.

К 80-летию со дня рождения Бориса Капустина.

РОСТОВ - НА -ДОНУ

2011

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 56
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 2,4**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

*Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.*

Николай Тихонов

СОДЕРЖАНИЕ:

Личность в истории края.....

В одной эскадрилье.....

Артиллерийский курган.....

Знамя Победы.....

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ КРАЯ

22 июня всё постсоветское пространство в этом, 2011-м, году склонит голову в память о начале той Великой войны.

Нет в постсоветском пространстве ни одной семьи, которую, так или иначе, не коснулись бы те четыре года!

Нет в России семьи такой, где б непамятен был свой герой...

Все склонят голову.

А может быть, и не все.

Когда смотришь, что творят, к примеру, господин Саакашвили, или наши другие бывшие соотечественники – прибалты, то закрадывается вопрос: может они и не земляне вовсе?

Это в России – герои памятливы.

У них – нет.

Видимо, та война их семей не коснулась.

Или, может, они вообще о ней никогда не слышали?

Ну, тогда, как пример, данные – только по Ростову. Только за одну неделю.

Гитлеровцам – тот недельный захват столицы Дона (осенью 41-го) – достался не просто так: свыше 5000 убитыми, около 9000 ранеными и обмороженными; уничтожено и захвачено в качестве трофеев 275 танков, 359 орудий, 4400 автомашин различных марок и назначения, 80 боевых самолётов и много другого военного имущества и вооружения.

Под Ростовом вермахт потерпел первое крупное поражение, а его 1-я танковая армия была отброшена на 80 километров на запад.

Наступательная мощь 13-й, 14-й и 16-й танковых, 60-й и 1-й СС «Лейбштандарт» Адольф Гитлер» моторизованных дивизий, 49-ого горнострелкового корпуса, штурмовавших город над Доном, была настолько подорвана, что вести дальнейшее наступление на Кавказ они были не в состоянии.

В переломный момент битвы за Москву врагу пришлось срочно перебросить на восстановление южного крыла Восточного фронта четыре пехотные дивизии.

А на восстановление боеспособности танковых дивизий – по личному приказу Гитлера – отправить 156 танков, в которых так остро нуждались под Москвой генералы Гудериан, Гот и Гёпнер – командующие 2-й, 3-й и 4-й танковыми армиями вермахта.

После боёв под Ростовом, Гитлер понял, что просчитался: все его планы на молниеносную войну не стоят и ломаного пфеннига.

Ему пришлось изрядно попотеть не только для того, чтобы продолжать военные действия в условиях русской зимы; но и для сохранения в народе – уважения к собственной персоне.

И всё равно не вышло.

Войска, освободившие Ростов-на-Дону, уже вечером 29 ноября получили приветственную телеграмму Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина:

«Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившими над Ростовом наше славное советское знамя!»

От знамени над Ростовом и началась прямая дорога к Знамени той Великой Победы.

Историческая справка

Знамя Победы – штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии, водружённый 1 мая 1945 года на куполе рейхстага в городе Берлине советскими воинами Алексеем Берестом, Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария.

Российским законодательством установлено, что *«Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооружённых Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, государственной реликвией России»* и *«находится на вечном хранении в условиях, обеспечивающих его сохранность и доступность для обозрения»*.

Также Знамя Победы является официальным символом Победы в Приднестровье.

По внешнему виду Знамя Победы – это изготовленный в военно-полевых условиях импровизированный Государственный флаг СССР, представляющий собой прикреплённое к древку однослойное прямоугольное кумачовое полотнище (из сатина) размером 82 см на 188 см.

Древко окрашено красными чернилами.

На лицевой стороне (вверху у древка) – изображения (серебряных) пятиконечной звезды, серпа и молота.

На остальной части полотнища добавлена надпись белыми буквами в четыре строки:

«150 стр. ордена Кутузова II ст. идрицк. див. 79 С. К. 3 У. А. 1 Б. Ф.» (150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта).

Тогда, после войны изображение знамени над поверженным Берлином присутствовало буквально везде: на открытках, на марках, на посуде, на различных лозунгах, листовках и вымпелах, в патриотических (настольных и не настольных) играх не говоря уж о средствах массовой информации, официальной и учебной литературе.

Его изображения украшали побеленные стены в хатах, классные доски, кают-компании и плакаты на всех митингах и демонстрациях.

У моей бабушки – обложка «Огонька» с изображением Знамени Победы была приклеена к внутренней стороне крышки большого сундука.

Вот тогда, наверное – лет в пять, я с ним и познакомилась.

Я гордилась, хотя понятие «война» – понимала не очень. Но понимала, что этот флажок – что-то очень нам всем нужное и очень хорошее.

Но я родилась, когда раны войны в Ростове давно были залечены.

Наверное, иное отношение у ребёнка, у подростка, к Знамени Победы, если для него эта война – синоним его изуродованного детства.

Одному из героев книги «Просто подвиг» в 41-м и было как раз 10 лет.

Обычно, если в выпускаемом библиотекой сборнике идёт рассказ об интересных людях, то – по старшинству.

Сегодня мы от этой традиции немножко отойдём.

Вашему вниманию, Уважаемый Читатель, материалы о героической судьбе людей, связанных с Донской землёй.

Все трое – военные, один – Герой Советского Союза.

Лётчик, артиллерист и связист.

Каждый из них – в разное время и при разных обстоятельствах – осознанно пошёл на гибель во имя...

Стоп.

Во имя чего?

Гипотез много блуждает.

Светлое будущее?

Но понятие это очень иллюзорно, и уже к 40-м годам эйфория по поводу мировой революции немножко поиссякла.

Хотя, какое оно сегодня – их будущее – наше настоящее, им, верно, и в кошмаре бы не привиделось...

Страх перед начальством?

Но другие в подобной ситуации довольно неплохо выкручивались...

Кураж перед кем-то другим (другой)?

Но, не идиоты же они – все трое!

Слишком уж страшный конец, и слишком дорогая цена такого куража...

Я думаю...

Нет, не думаю – я уверена, что ответ только один.

Парни эти пошли на смерть потому, что иначе – не могли. Только такой выход разрешала им совесть.

Потому, что было такое (как бы сейчас по этому поводу ни ёрничали) понятие: *«мы – советские люди»*.

И потому, что есть такая профессия – Родину защищать.

Связист Алексей Прокопьевич Берест, лётчик Борис Владиславович Капустин, артиллерист Сергей Андреевич Оганов.

Вот о них наш рассказ.

О самой их жизни – расскажем не много.

Во всяком случае, о жизни двух первых – Бориса Капустина и Серёжи Оганова – и материалов обнародовано не густо. Причём, две трети из этих материалов – взаимоисключающие.

Поэтому расскажем мы Вам, Уважаемый Читатель, об их последних часах – о том, что и называется таким коротким словом – подвиг.

И начнём с Бориса Капустина, которому в 41-м было 10 лет.

Следующая страничка – об Оганове. Он – в том, 41-м, успел повоювать. С июля по ноябрь.

Но эти два портрета – только половина нашего сборника.

Вторая половина отдана Алексею Бересту.

Алексей Прокопьевич Берест войну не просто прошёл, он побывал в самом эпицентре.

Хотя публикации, посвящённые этому человеку, тоже очень противоречивы, они всё же помасштабнее и дают намного больше информации к размышлению.

Поэтому о Бересте – не только о периоде с 41-го по 45-й, но и о фрагментах мирной биографии.

Личность в истории края.

Из – просто подвигов таких личностей – вся мировая история и состоит. И история края – тоже.

*

В ОДНОЙ ЭСКАДРИЛЬЕ...

*Ценой нечеловеческих усилий,
Агонию машины поборов,
Ушли в бессмертье сыновья России,
Лишь только став на жизненный порог.*

*Им бы любить, дерзать в просторе вольном,
Но долг суров, а сердце горячо.
Гордись, страна! Гордись, хотя и больно.
Теснее строй, друзья, к плечу плечо.*

В очередной раз под окнами что-то бабахнуло, и на ум практически сразу и бессознательно приходят строчки «...А город подумал: ученья идут!..»

Сегодня, в самом начале века XXI, очень многие россияне, знающие, что это слова «какой-то песни», затрудняются правильно озвучить её название. А уж тем более, рассказать историю появления широко и часто цитируемой строчки.

А тогда, во второй половине века XX, конкретно – в 1967 году, молодой поэт Роберт Иванович Рождественский обратился к уже маститому композитору Оскару Борисовичу Фельцману с предложением написать музыку к его новым стихам.

Фельцман согласился – и в результате и появилась эта пронзительная баллада.

Называется она «Огромное небо».

Авторы предлагали свою новую песню многим звёздам нашей эстрады – Юрию Гуляеву, Иосифу Кобзону, Муслиму Магомаеву, Эдуарду Хилю; и они – каждый по-своему – замечательно её исполняли.

Но в итоге «Огромное небо» – в великолепной аранжировке своего супруга Александра Броневичко – совершенно по-особенному преподнесла Эдита Пьеха.

Один из критиков даже назвал её исполнение «самым мужским».

Через год София встречала IX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Вот там, на конкурсе, молодая певица и исполнила эту балладу – успех был оглушительным: золотая медаль и первое место самой песне; золотые медали за исполнение и за стихи и серебряная – за музыку.

Так случилось, что в канун награждения у Эдиты Станиславовны был день рождения, и лучшего подарка невозможно было и придумать!

Для Оскара Фельцмана песня «Огромное небо» – ещё один звёздный час – на некоторое время даже фурур повсеместно звучащих «Ландышей» отошёл на второй план.

А Роберт Рождественский как-то негласно стал ещё одним «лучшим поэтом советской эпохи».

Если помните, в фильме «Москва слезам не верит» персонаж-интеллигент – один из гостей на приёме у фальшивых дочерей профессора Тихомирова – говорит так: *«Но дальше всех, думаю, Роберт пойдёт. Рождественский. Есть в нём какая-то сила!»*

В фильме это 1958 год – до Болгарского фестиваля ещё 10 лет, но режиссёр Евгений Меньшов (будущий оscarоносец) очень точно расставляет акценты: Рождественский – поэтический лидер.

Как говорили тогда, *«самолёты этой песни покорили огромное небо всех континентов»*.

Баллада лилась практически из каждого окна огромной страны, а грампластинки с записью расходились миллионными тиражами и у нас, и за рубежом.

И долгие годы потом многие заграничные певцы исполняли её на своих концертах.

Но сюжет «Огромного неба» не выдуман поэтом.

Баллада эта с почти стенографической точностью рассказывает о подвиге, совершённом советскими лётчиками 6 апреля 1966 года в небе над Берлином.

Это как бы короткий поэтический репортаж о последних 30 секундах жизни двух русских парней, пожертвовавших собой ради спасения немецкой столицы.

Расхождение с действительностью лишь одно: взрыва на самом деле не было.

Итак, в тот не очень погожий весенний день пилоты 668 авиационного полка бомбардировщиков 132 бомбардировочной дивизии 24 Воздушной армии (дислоцировавшейся тогда в небольшом немецком городке Финов) – командир самолёта капитан Борис Владиславович Капустин и штурман старший лейтенант Юрий Николаевич Янов получили приказ перегнать «Як-28» на другой аэродром.

Свидетельства о тех событиях сильно разнятся.

Скорее всего, это связано с какими-то политическими моментами – шла «холодная» война.

Поэтому в рассказе о самой трагедии мы будем придерживаться только официальных данных, основанных на сохранившихся фрагментах магнитофонной записи диалога лётчиков.

Ну и, естественно, будем использовать опубликованные документы, свидетельства очевидцев, воспоминания родных и друзей.

Юрий Николаевич Янов попал в Германию из Рязани, Борис Владиславович Капустин – из Ростова-на-Дону.

Да, они служили в одной эскадрилье. После переподготовки в Новосибирске (на двухместный 28-й «Як») Капустин и Янов становятся одним экипажем.

Оба были они влюблены в небо и в свои серебристые крылатые машины. Оба много летали, выбирали всегда большие высоты и захватывающие дух скорости.

Оба были первоклассными военными специалистами.

К примеру, в аттестационном листе парторга Капустина отмечено: *«Имеет ряд благодарностей командования за отличную технику пилотирования»*.

А в служебной характеристике старшего лейтенанта Янова говорилось: *«В достижении цели смел и решителен... В воздухе спокоен, инициативен»*.

И оба очень любили жизнь!

А жить собирались долго и счастливо – любили весёлые компании, а в компаниях были заводилами.

Рассказывают, что они даже внешне были чем-то похожи друг на друга: стройные, русоволосые, ясноглазые. Их даже прозвали «небесными близнецами».

Было у обоих и ещё одно увлечение (без которого жизнь лётчика и не представляется) – спорт. Но Юрий – склонный к размышлениям и анализу – любил шахматы.

А Борис с юности занимался автоспортом – ему очень хотелось стать офицером Советской Армии и служить в каких-нибудь моторизированных войсках. Особенно влекла авиация, поэтому после седьмого класса и подал он документы в Ростовский индустриальный техникум.

А на призывном пункте военкомата вдруг предложили продолжить образование в Кировобадском военном авиационном училище имени Виктора Хользунова.

Есть одна у лётчика мечта – высота.

А крылья мечты уносили всё выше...

Борис теперь грезил о звёздах.

О космосе говорили тогда даже в очередях: имена первой десятки советских космонавтов были известны всему миру, Алексей Леонов успел уже полюбоваться Голубой планетой оттуда – сверху, а имя Юрия Гагарина вообще стало нарицательным.

Родился Боря Капустин 12 декабря на Кубани. Это был голодный 31-й год.

Место рождения – Отрадненский район, совхоз № 28 Урупской зоотехнической станции, которая сейчас носит название госплемзавод «Урупский».

А у истоков организации завода стоял его отец Владислав Александрович – крупный специалист в области сельского хозяйства, профессор, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

А дед Александр Федосеевич Капустин тоже был кавалером ордена Ленина – бывший земский, а потом – заслуженный врач РСФСР.

В Урупском и сейчас хорошо помнят прославленный род Капустиных, пионерской дружине местной школы присвоено имя Бориса Владиславовича.

Но это произойдёт много позже.

А пока...

Над городом с утра – хмурые тучи, вылет несколько раз откладывался, и лишь в 15.30 Капустин услышал в своих наушниках голос диспетчера: *«Взлёт разрешаю!»*

Крылатая машина легко пробежала по бетонной ленте взлётной полосы и, мягко оторвавшись от земли, быстро устремилась вверх. Следом поднялся ещё один самолёт. Задача у лётчиков в тот день была очень проста и очень обыденна – перегнать две машины, с одной площадки на другую.

Полёт проходил нормально. Набрал высоту, самолёты выровнялись, взяли заданный курс. Лёту до места назначения – не более получаса.

И вдруг – резкий толчок.

Самолёт ведущего пары внезапно клюнул носом, и огромная скорость мгновенно разбила строй машин.

Магнитофонная лента руководителя полётов:

- *Восемьдесят третий, отойди вправо!* - Это успел крикнуть ведомому (второму самолёту) командир звена и тут же бросил свою машину (ведущую) в левый вираж.

- *Не вижу, где ты?* - спросил через две секунды ведомый.

- *Лети дальше, я возвращаюсь,* - ответил борт самолёта Капустина.

По приказу командира ведомый не изменил курса, он только ещё раз спросил:

- *Как у вас?*

Ответа не последовало.

На машине Бориса Капустина и Юрия Янова прекратили работу оба двигателя.

Хотя, такого практически – ну, не могло быть!

Эти двигатели – как два отдельных, независимых друг от друга механизма!

Комиссия позже установит «помпаж» – нарушение газодинамической устойчивости работы авиационного турбореактивного двигателя.

Но помпаж сразу двух двигателей – это нонсенс, и потому сразу же прозвучало слово «диверсия». Звучит оно и до сей поры.

Стали отказывать и другие приборы, и пилоты уже не знали, над какой – конкретно – местностью они находятся. Под крылом были одни сплошные тучи.

И ещё Капустин не знал, что на все действия ему оставалось всего 30 секунд.

Борис Владиславович попытался спланировать кругами. Но, проваливаясь левым крылом, самолёт нёсся вниз.

Наконец вынырнули они из облаков.

И что же внизу?

Густонаселённая часть большого города.

Под ними простиралась столица Германии.

Из рассказа западноберлинского рабочего В. Шрадера: *«Я работал на 25-этажном здании. В 15 часов 45 минут из мрачного неба вылетел самолёт. Я увидел его на высоте примерно 1,5 тысячи метров. Машина начала падать, затем поднялась, вновь падала и вновь поднималась. И так трижды. Очевидно, пилот пытался выровнять самолёт».*

Долго продержаться машину в воздухе не удастся, и Капустин лихорадочно пытался определить, далеко ли отсюда до окраин Берлина.

Но город был огромен даже с этой высоты.

Времени на раздумья не оставалось, и Капустин начал отводить почти неуправляемый самолёт.

Машина, огибая жилые кварталы города, уходила всё дальше и дальше от домов, от людей.

Но она катастрофически теряла высоту и скорость и практически не слушалась руля.

С аэродрома поступила команда катапультироваться.

Но экипаж машины боевой прекрасно понимал: если бросить управление, то взрывная волна разнесёт пол-Берлина: в самолёте не один литр горючего.

Всё же Борис Владиславович как-то в воздухе удерживался. С рёвом пронёсся терпящий бедствие самолёт над берлинскими пригородами и скрылся за деревьями большого лесного массива.

Капустин немного успокоился: главная опасность миновала, город остался позади. Но теперь надо ещё каким-то образом произвести посадку.

Решили направить машину на лес, который виднелся вдали. Об этом и сообщил пилот наземной службе.

Сообщил – и прильнул к окуляру...

Это не лес...

Это немецкое кладбище!

В воскресный день 6 апреля 1966 года западноберлинские жители отдавали почести умершим – отмечалась католическая Пасха.

Поэтому там было так много народу.

С этого момента наземная служба о действиях пилотов уже ничего не знала – отказали переговорные устройства.

Куда???

Как???

Вдали виднелись проблески воды. Это были река Хафель и – вдали – озеро Штёссензее.

Что есть силы Капустин снова потянул штурвал на себя. Теперь оставался единственный шанс – посадить самолёт на озеро.

Но до него ещё надо долететь.

И на него ещё надо вырлиться.

Капустин осторожно повернул штурвал, и машина медленно отклонилась в сторону стремительно приближающейся водной глади.

Даже на этой небольшой высоте штурман Янов мог ещё катапультироваться без риска для жизни.

Снова запись самолётного магнитофона.

Это последние фразы лётчиков.

Две последние фразы.

- *Юра, прыгай*, - спокойно приказал командир Капустин.

Юрий Янов родился в том же 1931 году, 2 августа, на Смоленщине, в городке Вязьма.

Отца-железнодорожника убили в Финскую, когда сыну едва исполнилось восемь. А всего их осталось у матери четверо – мал-мала меньше.

Всякое потом было: и война, и холод, и голод, и болезни, не было только одного – уныния.

Мать, наплакавшись после полученной похоронки, собрала детей, обняла всех сразу, прижала к себе и сказала: *«Ну вот, родные мои, остались мы одни, без папки. Теперь нас пятеро, и надо нам друг за друга держаться крепко, как пальцам в сжатой руке, и помнить: если какой палец вполсилы держать будет – вся рука ослабнет»*.

Так решили однажды, и потом на всю жизнь хватило этого мудрого совета – друг за друга стояли горой.

А в округе знали: Яновы, если случится что, не оттолкнут – последнее отдадут, но в беде не оставят.

В 1953 году окончил Юра в Рязани военное автомобильное училище, а через год – там же, военное училище штурманов. И после окончания проходил службу в Группе советских войск в Германии.

И штурман Юра Янов прекрасно понимал: выстрел его катапульты даст снижение высоты и так неуправляемому самолёту.

Он ответил официально:

- *Борис Владиславович, я с вами*.

Его ответ был ещё и поддержкой своему товарищу. Ведь в сложившейся ситуации он не мог оказать – никакой другой – помощи командиру.

Всё. Спасительные метры высоты утеряны. А катапультироваться на малой высоте с реактивных самолётов тогда ещё не умели.

Вероятно, командир решил посадить самолёт на воду, о чём предупредил штурмана. И Янов приготовился к приводнению, отстегнув ремни.

Приблизившееся Штёссензее вполне могло подойти для экстремальной посадки самолёта на воду, но...

Перед ними возникла дамба.

Капустин из последних сил – буквально в трёх метрах от крыш ярких разноцветных «фольксвагенов», непрерывной вереницей пронесившихся по широкому шоссе, проложенному по дамбе – смог перебросить машину через эту последнюю преграду.

Этот манёвр стал последним.

Самолёт резко, с большим наклоном, ушёл в воду, под толстый слой ила.

Полторы сотни слов – минута чтения, – описывающих всего лишь 30 последних секунд жизни пилотов.

Самолёт исчез. Наземная служба о месте падения ничего не знала. Лишь одинокий рыбак на озере был в шоке от случайного свидетельства катастрофы.

Самолёт упал в британском секторе ответственности Западного Берлина.

Советское командование, узнав о случившемся, тут же попросило у другой стороны разрешения начать спасательные работы.

Но английские военные власти отвергли эту просьбу, утверждая, будто самолёт взорвался над рекой Хафель в западноберлинском районе Шпандау.

И далее произошёл неприятный случай в духе того времени – времени «холодной» войны.

Первыми к месту катастрофы, как утверждает, прибыли англичане во главе с бригадным генералом Дэвидом Вильсоном. Они воспрепятствовали проезду советских военнослужащих во главе с генералом Владимиром Булановым.

К месту подъёма самолёта не были допущены даже советские корреспонденты.

Ведь падение советского самолёта в западном секторе – это просто сахарная косточка для разведок НАТО. Дело чуть не дошло до перестрелки.

А ведь совсем недавно был Карибский кризис...

Западные СМИ поспешили заявить, что «холодная» война вот-вот перерастёт в «горячую».

Англичане заявили, что они ещё не достали тела погибших (хотя сделали это в начале вторых суток).

Лётчики-герои для них не представляли никакого интереса – в отличие от уникальной радиолокационной системы (РЛС) «Орёл-Д» («Skipspin» по НАТОвской классификации), которую им удалось демонтировать и позже вместе с деталями двигателей за 2 дня исследовать в Фарнборо.

Британская «Telegraph», вообще горделиво назвала эту провокацию одной из самых «поразительных шпионских операций «холодной» войны».

Возможно.

Как написал один наш журналист: «Кто б сомневался, что рождённые вечно отставать от нас в военно-техническом плане, клятые буржуины не попытаются что-либо умыкнуть под шумок. Так получилось и на этот раз».

Хотя – ходят упорные слухи, что остались буржуины с носом – их тайно обошли советские специалисты.

А официально – спустя сутки британцы заявили, что боевая машина найдена в окрестностях Штёссензее и что они уже начали там соответствующие работы.

Английские сапёры доставили к озеру катера с кранами и другую технику.

Водолазы разрезали самолёт по части (фотографии подъёма опубликовал вездесущий немецкий журнал «Штерн») и позднее рассказывали – когда сквозь толщу ила они добрались до пилотской кабины, то увидели: командир и штурман так и сидели на своих местах.

В кислородных масках, с застывшими на штурвалах руками.

Руками, спасшими город.

Погибнув сами – хотя имели совершенно официальное разрешение катапультироваться – советские лётчики спасли тысячи мирных жителей.

Мирных жителей Германии – той самой Германии – самолёты которой несли смерть их родным Ростову и Вязьме.

Ведь они оба – и Борис Капустин, и Юрий Янов – пережили фашистскую оккупацию, и не понаслышке знали, что такое гитлеровский «новый порядок».

Но это были русские лётчики, они понимали, что простые, ныне живущие немцы, не имеют никакого отношения к фашистскому режиму.

Диктаторы приходят и уходят, а народ остаётся.

Несколько дней героический подвиг русских лётчиков был одной из ведущих тем западногерманской прессы.

Вот воспоминания Сергея Красноцветова – тогда он учился в 113-й берлинской школе:

«Весной 1966 года мне было всего 10. Прошло столько лет, но остались в памяти какие-то искорки ощущений, обстановки тех дней.

Первое – какая-то тяжёлая, гнетущая атмосфера в семье.

Родители обсуждали ситуацию. Отцу приходилось выслушивать от людей в Западном Берлине самые разные мнения: от сочувствия и соболезнования до вопросов о правомерности полётов советских ВВС над территорией Западного Берлина, с какими боеприпасами они летают. Никакой информации у него, конечно, не было. Была задача успокоить собеседников.

Второе – трансляции спасательных работ по телевидению. «Западное» телевидение (сейчас, конечно, не помню какой канал...) вело трансляцию с близлежащих мест, с берега. В том числе и в прямом эфире. У меня до сих пор в памяти ракурс картинки. Трагедии посвящались выпуски новостей и специальные передачи с участием политиков и военных. В эти дни, стоило включить телевизор – обязательно была какая-то передача на эту тему».

Не оставили без внимания это событие и различные враждебные СССР газеты и радиостанции.

Они тут же развернули клеветническую кампанию вокруг аварии советского военного самолёта, пытаясь дезинформировать население, скрывая подробности происшедшего и, наоборот, всячески искажая очевидные факты, с тем, чтобы максимально очернить присутствие советских войск в Германии.

Антисоветская пропаганда, видимо, имела и ещё одну задачу – отвлечь внимание мировой общественности от подобного же случая, произошедшего ранее с самолётом ВВС США в районе испанской деревни Паломарес.

Там, при аварии самолёта, американские лётчики, спасая свою жизнь, сбросили на землю бомбы с ядерной начинкой.

Но, несмотря на всю эту грязную возню, тысячи жителей Восточного и Западного Берлина благодарны советским героям.

Немцы заявили властям и редакциям газет о своём восхищении мужеством и гуманностью советских лётчиков, о сочувствии семьям погибших.

В газете «Вархайт» под заголовком *«Благодарность за самопожертвование двух пилотов»* один из свидетелей последних минут полёта советской военной машины Карин Зондеман писал:

«Это очень печальная авария.

Но в одном случае пилоты теряют голову, и им ничего не стоит ради собственного спасения сбросить куда попало водородные бомбы, как это было вблизи Паломареса с американским самолётом.

В другом – они идут на верную смерть ради жизни других.

Так поступили советские лётчики!».

А это мнение бургомистра Западного Берлина – будущего канцлера ФРГ – Вилли Бранда: *«Мы можем исходить из предположения, что оба они, Капустин и Янов, в решающие минуты сознавали опасность падения в густонаселённые районы и в согласовании с наземной службой наблюдения повернули самолёт в сторону озера Штёссензее. Это означало отказ от собственного спасения. Я это говорю с благодарным признанием жертве, предотвратившей катастрофу».*

«Самоотверженный поступок двух советских лётчиков заслуживает глубокую благодарность и высокое признание населения нашего города, - заявил представитель западногерманского общества германо-советской дружбы Рольф Элиас. - Можно лишь сожалеть, что этот трагический случай используется определёнными кругами в Западном Берлине, чтобы попытаться вновь разжечь антисоветские настроения».

А так высказался западноберлинский врач Альфред Менцель: *«Геройский поступок двух граждан Советского Союза заслуживает самого высокого уважения. Я склоняю голову перед их памятью. Подобные чувства разделяют многие мои сограждане».*

Британцам пришлось учесть общественное мнение.

8 апреля состоялась траурная церемония передачи представителям Группы советских войск останков погибших.

В почётном карауле стояли советские солдаты и шотландские стрелки, воины Национальной народной армии ГДР и члены Союза свободной немецкой молодёжи.

Из Великобритании прибыл Королевский оркестр.

Распоряжением правительства самолётами – отдельно – в Ростов-на-Дону и Вязьму были отправлены тела героев.

На траурные проводы каждый город Германии прислал свою делегацию. Людей, желающих отдать последние почести русским парням, было столько, что несколько часов на аэродроме колонна граждан ГДР с венками и цветами двигалась непрерывно.

Могила Юрия Янова – на родине в Вязьме.

В его честь 1 сентября 2001 года на здании Вяземской средней школы № 1 установлена памятная доска.

Бориса Владиславовича в последний путь провожали жена Галина Андреевна и сын-первоклассник Валера.

А отец Бориса – Владислав Александрович весной 66-го был сильно нездоров и – гибель сына не пережил.

Так и хоронили их в Ростове в один день – отца и сына Капустиных.

Вскоре вышел Указ Верховного Совета СССР о награждении героев-лётчиков орденами Красного Знамени (посмертно).

В память о подвиге русских парней в Германии установлено несколькоobelisks.

На мосту у Штёссензее – мемориальная доска.

За одну ночь берлинский художник написал красками большой портрет Бориса Капустина.

И за один день на памятнике воинам, погибшим в Великую Отечественную войну (в городе Эберсвальде-Финов) установлена местными властями мемориальная плита с именами Капустина и Янова.

На обелиске написано (по-немецки):

«В память всем жертвам «холодной» войны. Они отдали свои жизни, чтобы спасти других людей. Старший лейтенант Янов. Капитан Капустин. 6 апреля 1966».

А 30 марта 2001 года (к 35-летию подвига лётчиков) в Берлине прошли торжественные мероприятия. В Авиационном музее на аэродроме Финова (созданном после вывода наших войск) воздвигнут мемориал.

Именем Бориса Капустина названы улица Ворошиловского района города и школа № 51.

Память.

Одних она обрекает на вечное проклятие, а других – на бессмертие.

Борис Капустин и Юрий Янов живут в названиях улиц и в нашей стране, и в Германии.

Но, пожалуй, беспокойней и острее всего живут эти память и боль в сердцах их товарищей, их сослуживцев, написавших – буквально через несколько часов после их трагической гибели – очень трогательные поэтические строки.

Это стихотворение вынесено в эпиграф нашего рассказа.

Нет героев, но живёт о них память.

И осталась о них песня, которую поют на всей планете.

Но вот прошло более полувека.

Уже канул в прошлое Советский Союз.

Песню «Огромное небо» и не часто, но можно было услышать. Любима она, по-прежнему, лётчиками.

Средства массовой информации постперестроечного периода обо всём советском (да ещё, не приведи Господь, патриотического направления!) стараются писать поменьше.

И вдруг 7 февраля 1997 года «Комсомольская правда» публикует текст песни «Огромное небо», а рядом коротко – историю её создания.

Но авторы публикации И. Паров и С. Чернов дают весьма своеобразный заголовок *«Так могла начаться третья мировая»* и весьма своеобразно излагают факты, которые положены в основу написания этого известного музыкального произведения.

По их мнению, никакого подвига и не было, а был безответственный поступок капитана Капустина, решившего в небе над Берлином закрутить «бочку», продемонстрировав тем самым возможности советского истребителя.

В результате двигателя нового военного самолёта захлебнулись и произошло то, что произошло.

Авторы статьи ссылаются на, якобы, свидетельство одного из пилотов, который летал в этой же группе самолётов, но фамилии очевидца не приводят.

И трагедия в их изложении над Берлином произошла не 6 апреля, а почему-то 2 марта. А самолёт упал не в озеро Штёссензее, откуда его потом поднимали англичане, а в реку Шпрее.

Да и с орденами у Парова и Чернова тоже вышел конфуз. Бориса Капустина и Юрия Янова по-смертно наградили орденами Красного Знамени, а не Красной Звезды, как пишут эти авторы.

Валентин Руденко в газете «Красная звезда» от 2 июня 1998 года приводит и другие факты, искажённые Паровым и Черновым.

Трудно сказать, чем руководствовались авторы, публикуя такие – мягко говоря – непроверенные данные.

А грубо выражаясь – откровенную клевету!

Может, рассчитывали, что молодёжь, которая «выбирает пепси», не будет копаться в архивах в поисках истины и всю эту блажь примет на веру, что называется, с лёту?

Может, просто хотелось сенсации?

А может, Паров и Чернов, вообще, отродясь не слышали о подвиге советских лётчиков и решили, что преподносят неизвестные общественности факты?

Но куда, в таком случае, смотрел главный редактор уважаемой многоорденоносной газеты?

За Бориса Капустина и Юрия Янова вступились их сослуживцы, военные журналисты.

Вот только один из откликов: *«Я знал историю этой песни, поскольку один из её героев лётчик Борис Владиславович Капустин – мой земляк из Отраденского района. Однако, прочитав то, что было написано в «Комсомолке», мне стало не по себе.захотелось зашвырнуть газету куда подальше и вымыть руки. Сколько было лжи и грязи в этой небольшой публикации!»*

«Красная звезда» приводит выдержки из акта с выводами комиссии, расследовавшей причины катастрофы советского самолёта над Берлином.

Акт этот «Комсомольская правда» без труда и сама могла бы найти в архиве Минобороны – не секретные материалы.

Но, как видно, это не входило в планы авторов. Более того, они попытались провести аналогию между тем советским экипажем и предателем Беленко, угнавшим новейший советский самолёт в Японию – что нанесло в то время огромный урон обороноспособности нашей страны.

Вот так эти трактователи современной истории – пусть даже не считающие поступок лётчиков подвигом – и принялись по-своему трактовать действия молодых офицеров, погибших при исполнении воинского долга.

Что, они не понимали, что прежде всего наносят душевные раны родственникам погибших лётчиков?

Что вселяют в души наших детей, наших молодых воинов недоверие к фактам истории?

Что унижают людей, чья творческая биография была связана с песней «Огромное небо»?

И что унижают, наконец, всю страну, которая со слезами на глазах, стоя, слушала эту песню?

Грустно, но нашлись люди, которые публикации поверили.

И у нас в Ростове, в школе имени Капустина (судя по отзыву из «Красной звезды») закрыли музей, а бюст лётчика спрятали в подвал.

Кстати, в том же, 1997 году, только 31 августа, именно по вине журналистов (по одной из версий) погибла замечательная женщина.

Известна она как принцесса Диана.

Галина Капустина, прочитав статью в «Комсомолке», была потрясена и, чтобы защитить честь и достоинство погибшего мужа и его товарища, подала на Чернова и Парова в суд.

Вот что Галина Андреевна рассказала по этому поводу:

«Мы с сыном Валерием, который к тому времени стал уже полковником, кандидатом философских наук, преподавателем академии имени Петра Великого, отстаивали честь и достоинство Бориса Капустина. Назначалось девять судов, я ездила на семь, состоялось три.

Суд заставил «Комсомолку» опубликовать опровержение. Но сколько всё это стоило мне здоровья, я стала инвалидом...

Очень тяжело было переносить все эти выверты, неприкрытое враньё – так Чернов и Паров отстаивали честь своего мундира».

Почему так любят модные журналисты и «альтернативные» историки всё поставить под сомнение? Утверждают, что вообще не было ничего, просто пилоты... стреляли друг в друга.

Специалисты же просто смеются – какая стрельба, если счёт идёт на секунды? Пилоты ведь – не профессиональные снайперы...

Возможно, ставится под сомнение сама возможность подобного подвига?

Но подвиг был.

Его повторяли потом многие лётчики.

В Липецке – памятник авиаторам – фигуры лётчиков Леонтия Кривенкова и Сергея Шерстобитова. Они погибли в 1968 году, уводя от города неисправный самолёт.

24 мая 1989 года на аэродроме Кубинка разбился гвардии майор Александр Георгиев. Он мог катапультироваться, но тогда неуправляемый самолёт упал бы на предприятие, находящееся рядом с аэродромом.

Об этом, к сожалению, не писали в газетах, но это знал весь гарнизон.

А как-то Эдиту Пьеху пригласили на гастроли в Афганистан.

Выступление в одной из воинских частей. Бойцы бурно аплодируют красивой певице.

А когда зазвучала со сцены мелодия песни «Огромное небо», зал встал.

И хотя почти все бойцы не знали русского – они знали, о чём эта песня, и тихонько подпевали ей по-афгански.

После концерта Эдиту Станиславовну познакомили с двумя авиаторами, которые повторили подвиг Капустина и Янова, но родились в рубашках – оба остались живы.

Они знали о подвиге советских братьев из песни.

Две женщины.

Вдова лётчика-героя Галина Андреевна Капустина.

Народная артистка Советского Союза Эдита Станиславовна Пьеха.

Артистка сама разыскала вдову и лично пригласила на концерт: второй ряд, партер.

Эдита Станиславовна не раз признавалась: так проникновенно, как в тот день, она не пела никогда.

Слово Галине Андреевне:

«Специально ехать на её концерты я из-за этой песни не могла, потому что я не могла её слышать. У меня, знаете, всё переворачивалось, всё сразу наплывало, все воспоминания... Я её проживала, эту песню, не просто слушала.

...Вдруг она объявляет о том, что вот песня, в зале присутствует жена. И эта песня – реальные события, посвящается Капустину, Янову. И начинает петь эту песню.

...А вот опус московских «сочинителей», пожалуй, уже сейчас мало кто вспомнит. Так что зря они тратили пасту в ручках».

Баллада «Огромное небо» была такой любимой, что на её основе даже сняли мультипликационный фильм. Хотя такая анимационная реклама подвига Капустина и Янова нравится не всем.

На родине Бориса Владиславовича Капустина в школе № 10 посёлка Урупский создан музей. Материалы для него собирали ребята под руководством учителя Бориса Васильевича Чернявского, они переписывались с родственниками, ездили к Галине Андреевне в Ростов.

И в память о подвиге в посёлке установлен самолёт, подарённый урупчанам Армавирским военным лётным училищем.

Стрела самолёта устремилась в огромное голубое небо.

Пусть оно всегда будет мирным!

Баллада «Огромное небо»

*Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя,
В одной эскадрилье служили друзья,
И было на службе и в сердце у них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо – одно на двоих.*

*Дружили, летали в небесной дали,
Рукою до звёзд дотянуться могли,
Бедя подступила, как слёзы к глазам –
Однажды в полёте, однажды в полёте,
Однажды в полёте мотор отказал...*

*И надо бы прыгать – не вышел полёт!..
Но рухнет на город пустой самолёт!
Пройдёт, не оставив живого следа,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда!*

*Мелькают кварталы, и прыгать нельзя...
«Дотянем до леса!» - решили друзья.
«Подальше от города смерть унесём.
Пускай мы погибнем, пускай мы погибнем,
Пускай мы погибнем, но город спасём!»*

*Стрела самолёта рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва берёзовый лес!..
Не скоро поляны травой зарастут...
А город подумал, а город подумал,
А город подумал: «Ученья идут!»*

*В могиле лежат посреди тишины
Отличные парни отличной страны...
Светло и торжественно смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо – одно на двоих!*

Артиллерийский курган

*...Они ещё не научились
Ни песни петь и ни любить;
Едва закончив курс училищ,
Лишь начинали только жить.*

*И так им было дико, странно,
До боли режущей в глазах,
Увидеть танки, что к курганам
Ползли с крестами на боках.*

*- Огонь! Ребята, все – за дело!
Ведь это враг прорвался к нам!
...И били, били – до предела –
Мальчишки грозно по врагам!*

Анатолий Софронов

Слово сотруднику Областного музея краеведения Владимиру Ивановичу Афанасенко:

- Не знаю, кто подсунил Сталину такую информацию о Ростове, но я в течение многих лет собирал свидетельства и документы о том, что здесь происходило. Оказалось: на штурм Ростова немцы бросили в два раза больше войск, чем на штурм Сталинграда, и бои здесь были более жестокими, чем за Сталинград.

За четыре дня погибло более 100 тысяч наших солдат. Почти вся 56-я армия полегла в этих боях. А немцы потеряли техники больше, чем при Сталинграде...

Сейчас редко вспоминают, что Ростов в 41-м немцы заняли только с третьей(!) попытки. Причём им противостояли в основном необстрелянные наши мальчишки.

Винтовка – одна на двоих, а то и на пятерых, коробок спичек – один на десятерых, и надо его по-братски поделить, сделать запал для бутылки с бензином – нашего «противотанкового орудия».

Для многих этих ребят первый бой стал последним. Они полегли на этой земле, но задержали немецкое наступление. Заставили немецких командиров изменить направление удара...

Эти пацаны совершали геройские подвиги.

Сержант-наводчик Иван Атаманов в одиночку (расчёт перебит) с повреждённой пушкой уничтожил шесть танков. Их искорёженные останки заградили другим машинам путь на Ростов, и Атаманов один удерживал эту важную стратегическую позицию у села Чалтырь.

У младшего лейтенанта Алексея Близнюка был только ТТ, командирский свисток и бутылка с бензином. В первом же бою, когда 50 немецких танков пошли на недовооружённую 353-ю Новочеркасскую дивизию, он бросился под головной танк и уничтожил его ценой собственной жизни.

И такие же необстрелянные бойцы, вдохновлённые этим примером, сожгли ещё 22 немецкие машины.

И удержали рубеж.

Подобным примерам несть числа.

Немцев эти мальчишки потрепали изрядно.

Но кто знает, кто вспоминает их имена?

У города, как и у людей, есть свои радости и свои печали.

Никогда не должны мы забывать о том, что Ростов был ПЕРВЫМ(!) таким большим областным городом, отбитым у гитлеровской армии за все годы Второй мировой войны.

До того – Париж, Прага, Варшава – все склонялись.

Это произошло ровно за неделю до разгрома немцев под Москвой.

В ноябре 41-го.

Весть о поражении танковой армии самого генерала Пауля фон Клейста(!) тут же облетела планету. Об этом кричали все средства массовой информации!

Для примера – сообщение Би-Би-Си: *«Советский город Ростов-на-Дону – первый крупный населённый пункт такого масштаба, отбитый у армии Гитлера. Виват!»*

...Ростову выпала тяжёлая участь.

За 17 месяцев 4 раза лавина огня перекатывалась через город. 4 раза жгли его фашисты.

Страшные разрушения увидели воины нашей армии в освобождённом городе.

Все центральные улицы – просто одна огромная груда развалин. Из более чем (довоенного) полумиллиона ростовчан – освободителей встречали менее 170 тысяч.

Только в камерах и во дворе городской тюрьмы на Кировском проспекте было обнаружено полторы тысячи расстрелянных мирных жителей. И в ямах на Волоколамской – тысячи и тысячи погибших военнопленных.

Специальная Государственная комиссия, выявлявшая последствия «нового порядка», отнесла город Ростов-на-Дону к пятнадцати городам СССР, наиболее пострадавшим от оккупации в годы Великой Отечественной войны.

...Ростовские улицы Оганова и Вавилова уходят в степь и за городом сливаются в направлении к Артиллерийскому кургану.

9 мая 1972 года в полутора километрах западнее села Большие Салы и в двенадцати – от северо-западной окраины Ростова-на-Дону был открыт величественный монумент «Артиллерийский курган».

На высоком постаменте – 76-миллиметровая пушка, а на плите у основания высечены имена 14 погибших воинов, которые здесь двое суток – 17 и 18 ноября 1941 года в неравном бою удерживали эту высоту.

Правда, установленное орудие не соответствует тем, с которыми сражались артиллеристы: у них были уже устаревшие на начало войны «трёхдюймовки» времён Первой мировой и гражданской войн.

Тем более велик их подвиг.

Текст на памятнике гласит: *«Здесь в ноябре 1941 года в неравном бою с фашистскими танками совершили бессмертный подвиг артиллеристы 317-й стрелковой дивизии 56-й армии. Командир батареи – Герой Советского Союза Вавилов Сергей Васильевич».*

Сам курган называли Артиллерийским.

С сердечным приветом к собравшимся на открытие обратился Леонид Брежнев. Строки из его письма – *«Бои за Ростов осенью 1941 года были историческими: здесь наша Красная Армия перешла от обороны в наступление»* – стали классической оценкой тех далёких событий.

В Ворошиловском районе Ростова тоже возведён памятник, посвящённый артиллеристам.

Открыли его 8 мая 1983 года.

Рядом с орудием – пять бойцов из состава батареи.

И надпись: *«Отважным воинам Отчизны, славой вечной покрывшим себя в боях под Ростовом осенью 1941 года. Подвигу батареи С. Оганова и С. Вавилова посвящается».*

И существует ещё один памятник в честь легендарной батареи. Находится он в Больших Салах, куда благодарные жители этого села перенесли останки героев-артиллеристов и похоронили в братской могиле.

Скульптурная группа развёрнута на запад – туда, где ненавистный враг. На всех лицах словно написано: ни шагу назад!

Боевой расчёт подкатывает пушки на новый огневой рубеж. Два бойца только что перевязали тяжело раненного товарища.

На пьедестале указано: *«17-18 ноября 1941 г. бойцы батареи лейтенанта Оганова, отбив немецко-фашистское наступление, уничтожили около 30 танков врага. Герои погибли, но не дали врагу пройти вперёд. Они стояли насмерть!»*

После мая 72-го года об Артиллерийском кургане заговорили.

Но в многочисленных публикациях, телепередачах, фильмах, книгах воспевался подвиг уже 16 героев-артиллеристов.

А командиром называли то Вавилова, то Оганова.

В кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза» о младшем политруке Вавиллове сказано: *«Он отличился в бою 18 ноября 1941 года в районе с. Большие Салы. В неравном шестичасовом бою батарея подбила несколько танков. Многие воины погибли. Вавилов был ранен. С гранатой в руках он бросился к вражескому танку и, жертвуя жизнью, подорвал его. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.43 г. посмертно».*

Во втором томе – этого же словаря – но о подвиге лейтенанта Оганова напечатано следующее: *«Управляя огнём батареи у с. Большие Салы (Мясниковский район, Ростовская обл.), 18.11.41 г. отбил три контратаки танков и пехоты противника. Все воины батареи во главе с командиром погибли, но не пропустили врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 22.02.43 г. посмертно».*

Как справедливо отмечает Владимир Афанасенко, даже в академическом издании – *«существенные разночтения. Кто же командир – Вавилов или Оганов? Когда батарея вела бой – 17-18 ноября или только шесть часов 18 ноября? Сколько погибло артиллеристов батареи – 14, 16 или все? А сколько их было – всех? Какую цену заплатил враг за попытки преодолеть позиции батареи – тридцать или «несколько» танков, или просто она «отбила три контратаки танков и пехоты противника»?*

В своей публикации «Правда о батарее Оганова» Владимир Иванович Афанасенко попытался найти ответы на эти вопросы.

Он досконально изучил все архивы и составил картину событий 17-18 ноября 1941 года, когда у кургана Бербер-Оба погибла в бою полковая батарея 606-го стрелкового полка 317-й Бакинской стрелковой дивизии 56-й Отдельной армии.

В ноябре 41-го вооружённый до зубов враг рвался к Москве.
А в начале октября фашисты вторглись на территорию Ростовской области

«Ростов – ключ к Кавказу... И мы, повернув этот ключ, хозяевами войдём в ворота, ведущие к бакинской нефти, а потом – и к Индии», - хвастался фон Клейст.

Все атаки немецких танковых дивизий были отбиты – советские солдаты проявили в этих боях исключительную стойкость. Хотя отбиты – ценою очень тяжких потерь

Но и противник понёс значительный урон. Как следствие, был вынужден отказаться от наступления на Ростов по кратчайшему пути, вдоль Таганрогского шоссе, и перенёс свои усилия на Новошахтинское направление.

Теперь враг намеревался захватить Ростов с севера.
На пути встали войска Южного фронта и 56-й Отдельной армии.

Лейтенанта Сергея Оганяна срочно вызвали в штаб полка для получения боевого задания.
(Сам Оганян называл себя Огановым – будем придерживаться этого и мы.)

Командир полка приказал занять позицию на кургане Бербер-Оба у развилки дорог на Новошахтинск, Ростов и Большие Салы.

Задача была предельно ясна и содержала всего два пункта.

Первый: подкрепления ждать неоткуда.

Второй: нужно любой ценой удержать высоту.

Боевое крещение батарея Сергея Оганова получила на Днепре, бойцы гордились, что на их счету – уже 3 уничтоженных вражеских танка.

Затем – упорные бои за Мелитополь и Мариуполь.

Тогда-то лейтенант Оганов и приобрёл бесценный боевой опыт и умение *«управлять батареей в критической обстановке оборонительного боя – когда на её позиции наступают многократно превосходящие силы противника».*

Командование не раз отмечало смелость и упорство молодых артиллеристов, а в полку за ними прочно утвердилось название «батареи отважных».

Но в кровопролитных боях они теряли своих боевых друзей.

Всего по штату в полковой батарее 606-го стрелкового полка насчитывалось 52 человека.

К ноябрю оставалось 43.

К 17 ноября уже было 27.

К 18 – только 16.

И никто из горстки советских бойцов, расположившихся со своими допотопными пушками на невысокой степной возвышенности, не предполагал, что – в этой битве – они сыграют такую же роль, какую сыграли 28 известных героев суровой подмосковной осени того же 41-го года.

Но случилось именно так.

Одни стояли насмерть у подступов к Москве, другие – к Ростову.

Попутно: не все панфиловцы – в том бою за столицу – погибли. И один из них – Иван Евстафьевич Добробабин – прошёл многие круги ада, а умер у нас, в Цимлянске. Но свою Звезду Героя так и не получил. Мы обязательно расскажем об этом человеке в одном из последующих сборников.

А пока – бойцы занимали оборону на ближних подступах к Ростову. Пехота рыла окопы, сапёры устанавливали мины, в сады и рощицы подтягивались танки, на холмах и курганах располагалась артиллерия.

Личный состав ещё необстрелянной в боях 317-й Бакинской стрелковой дивизии полковника Ивана Владимировича Серёдкина состоял из приписников запаса.

Красная армия, в ходе войны переименованная в Советской, формировалась по интернациональному принципу.

Война оторвала всех этих ребят от учёбы, от работы; собрала из разных уголков нашей Родины.

Украинцы, грузины, русские, дагестанцы, армяне, узбеки, молдаване, осетины, белорусы, казахи, азербайджанцы, таджики – это было великое братство народов – практически, весь Советский Союз оборонял Ростов!

Так складывалась своеобразная национальность – солдат Великой Отечественной.

Их всех сближала любовь к Родине, ненависть к захватчикам.

Но дело в том, что многие эти ребята – приписники запаса – ранее в рядах РККА не служили. И даже плохо понимали по-русски.

А командиры взводов и рот – выпускники Бакинского пехотного училища – тоже безусые парни, не имевшие практического опыта руководства и не нюхавшие фронтowego пороха.

В результате этого странного симбиоза (молодые бойцы, толком не понимавшие чего от них хотят, + молодые командиры, толком не умеющие это своё хотение чётко сформулировать) – и возникали на поле боя непродуманные, откровенно глупые действия.

606-й стрелковый полк, и его подразделения окопались и подготовились к обороне крайне плохо.

Проверявший рубежи дивизии командующий 56-й Отдельной армией генерал-лейтенант Фёдор Никитич Ремезов 14 ноября специальным приказом отметил многочисленные недостатки в обороне: отсутствие противотанковых и противопехотных минных полей; неприкрытые артиллерией танкоопасные направления; незамаскированные окопы.

Кроме того, пулемётные гнёзда имели «мёртвые пространства», то есть не простреливались нашими пулемётчиками; огневые позиции были завалены ящиками и посторонними предметами; стыки полков не прикрыты и – ещё много чего, тому подобного.

Ремезов назначил нового командира подполковника Н. А. Матросова.

А полковнику Серёдкину дали двое суток на исправление всех недостатков – доложить об исполнении следовало 17 ноября к 18.00.

Только что сделаешь при отсутствии мин и опытных командиров?

А немецкая разведка ещё 10 ноября изучила наше боевое охранение у села Генеральское. Вражескую атаку удалось отбить, но в роте не обошлось без потерь

В тот же день немецкий бомбардировщик сбросил бомбы на огановскую батарею. Осколочные ранения получили семь бойцов и убиты две лошади из упряжки 3-го орудия.

Холодное осеннее утро 17 ноября 1941 года.

На горизонте чуть забрезжила узкая полоска зари. Издалека, нарастая, донёсся густой рокот танковых моторов.

3-й моторизованный корпус генерала танковых войск барона Эберхарда Августа фон Макензена нанёс удар силами закалённых в сражениях 13-й и 14-й танковых дивизий и мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» – именно в полосе необстрелянной, слабо сколоченной 317-й Бакинской дивизии.

В густом тумане (видимость не превышала 100 метров) немцы двинулись сразу по трём дорогам: танки, батальоны пехоты и мотопехоты.

Боевое охранение у Генеральского к 9 часам было снято танками, а к 11 – и от 1-ого батальона капитана Хачатуряна ничего не осталось.

К полудню – и левый сосед, 571-й стрелковый полк, лишился всех орудий, расстрелянных и раздавленных немецкими танками. Остатки полка отошли назад.

А к вечеру – атака на главные силы 606-го полка.

К 4 часам противник атаковал 3-й батальон, точно зная расположение его наблюдательных и командных пунктов.

Вражеские танки буквально всё снесли. Подполковник Матросов и военком полка Горохов были убиты, погибли также командир Трифонов и политрук 7-й роты Буданов, уничтожившие немцев до последней минуты жизни.

А начальник штаба полка капитан Мартыненко и старший политрук Комистный попали (сдались сами?) в плен.

Остатки батальона с наступлением темноты вывел из окружения лейтенант Лысов.

Тогда же отступил и 2-й батальон капитана Торосяна.

Несмотря на большие потери, его бойцы в течение шести часов удерживали позиции, мужественно отражая атаки танков и пехоты противника.

В сумерках – после массированного двухчасового обстрела – немецкие танки ворвались в Большие Салы, уничтожив штаб дивизии и охранявшие его подразделения.

В этом бою погиб командир 317-й Бакинской дивизии полковник Иван Владимирович Серёдкин.

Батарея Сергея Оганова в бою 17 ноября – из-за тумана и неясности обстановки – участия не принимала. Связи с полком и начальником артиллерии дивизии не было с утра, а посланные два бойца не вернулись.

Одиночки и мелкие группы отступавших ясны – в происходящее в тумане – не вносили, только панические слухи.

Командование 56-й армии ночью спешно принимало решения по восстановлению положения в полосе 317-й дивизии.

Задача – во что бы то ни стало не допустить прорыва танков и мотопехоты противника в Ростов!

Но генерал Макензен – этой же ночью – сосредоточил в Больших Салах главные силы 14-й танковой дивизии.

Свыше 80 танков, 150 грузовиков с пехотой, артиллерию, миномёты и мотоциклы с пулемётными колясками.

Утром 18 ноября стрелки и танкисты 56-й армии с юго-востока атаковали танковую дивизию в Больших Салах.

Немцы встретили их шквальным огнём, а в 9 часов перешли в контратаку, окружая наши обескровленные батальоны.

В это же время два батальона эсэсовцев из «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» при поддержке 50 танков 13-й танковой дивизии устремились в направлении села Красный Крым.

На пути этих бронированных колонн Макензена и стала маленькая батарея лейтенанта Сергея Андреевича Оганова.

Накануне молодой командир уже довёл до артиллеристов приказ командования.

Он хорошо знал своих подчинённых: в отличие от других соединений, здесь ребята были дружные, уже видевшие смерть, способные в любой обстановке бить лютого врага и готовые удержать занятый рубеж – как и сказано в приказе – чего бы это не стоило.

И его подчинённые знали своего командира и прекрасно понимали, что их ждёт...

18 ноября.

Очень холодно.

Глухой гул.

Танки.

1... 2... 3...

В сиреновой утренней дымке всё яснее вырисовывались очертания ползущих немецких машин.

4... 6... 15...

Всё пространство слева от села заполнилось серыми квадратами с чёрными крестами на башнях.

20... 30...

На Бербер-Оба двинулись 50 фашистских танков.

50 стальных чудовищ против 4-х орудий и 16 бойцов!

Больше чем по три танка на каждого нашего солдата.

Они шли смело, уверенные в своей силе. Шли с открытыми люками башен, как на параде – ведь до сих пор они оставались непобедимы!

И вдруг – со склона кургана ударили пушки. Завертелся на месте с разодранной гусеницей один танк. Затем рвануло внутри другого, и башня отлетела на несколько метров в сторону. Третий танк метался по полю, пытаясь сбить пламя с горящего мотора.

Над степными просторами стоял неистовый гул. Рёв моторов, лязг гусениц, залпы орудий – всё смешалось. Гудела сталь и, казалось, стонала земля,

«Гром пушек, топот, ржанье, стон – и смерть, и ад со всех сторон», - что бы написал Александр Сергеевич в 1941-м?

Фашисты, поняв, что наступать по прямой не получится, решили курган окружить и просто со всех сторон расстрелять.

Несколько танков изменили направление, но ряд метких залпов огановцев вывел из строя и их.

Однако враг, хоть и беспорядочно, но упорно двигался вперёд.

Но и батарейцы держались умело – использовали запасные позиции, выкатывали орудия на прямую наводку, бросали гранаты и бутылки с горючей смесью: очень пригодился украинский опыт – приходилось иметь дело с превосходящими силами противника.

Вскоре снова разгорелась жестокая битва. К кургану неслись танки, а людей на батарее оставалось всё меньше и меньше...

Осколком снаряда ранен Аслан Велиев. Погибли Мовсес Гулян, Фагил Ахмедов и Фёдор Абраменко. Поредели расчёты орудий, но батарея по-прежнему стояла.

Командир Оганов и его боевой комиссар Сергей Вавилов всё время были с людьми, личной отвагой подбадривая бойцов.

Политрук Вавилов – сибиряк. Старше своего командира на семь лет. Он окончил полковую школу. За год до войны стал коммунистом.

И вторая атака немецких танков разбилась о стойкость и отвагу артиллеристов.

В минуту передышки хоронили погибших товарищей.

Но передышка оказалась совсем недолгой. Ударил дальнобойная артиллерия фашистов, а за ней началась новая атака.

Танки обрушили на батарею ураганный огонь. А немецкие бомбардировщики атаковали курган и с воздуха. Вокруг него образовалось ожерелье воронок...

У пушки – сам комбат. Сергей был не только командиром, но и наводчиком, и подносчиком снарядов, и заряжающим. Раненый, продолжал вести огонь. Сам поджёг три вражеские машины.

Но вражеский снаряд нашёл и его.

Оставшиеся сражались ещё яростнее.

Оторвавшись на минутку от орудия, политрук собрал комсомольцев:

- Положение очень серьёзное... Нас горсточка. Подкрепления раньше вечера мы не получим... Но мы не уйдём отсюда.

И все согласились.

Командование взял на себя Василий Пузырёв, вместе с раненым Стефаном Лазаревым они вывели из строя ещё несколько танков.

Враг вновь и вновь бросался на курган, обрушивая лавину огня на горстку его защитников. Гитлеровцы просто осатанели – они никогда, оказывается, и не думали, что могут столкнуться с таким сокрушительным отпором!

К исходу дня немецкие танки и мотопехота заняли Красный Крым, в шести километрах южнее Бербер-Оба.

А к Бербер-Оба в этот день они приблизиться так и не смогли.

Около шести часов герои-артиллеристы вели неравный бой и отразили три массированных атаки, подбили и сожгли почти все вражеские танки, а две бронемашины подорвали связками гранат комсорг батареи Фёдор Балеста и ездовой 3-го орудия Василий Ткаченко.

Танки фон Клейста через занимаемый огановцами рубеж обороны не прошли.

Так скрупулёзно высчитанный удар – во фланг нашей пехоте – нанесён не был.

Цена – жизнь 16 молодых парней.

...Холодная ночь опустилась на курган и на мёртвые тела артиллеристов. Погибшие в неравном бою, они не узнали, что ими отбита ПОСЛЕДНЯЯ(!) вражеская атака, и что советские войска перешли в наступление.

К месту боя подошло наше подкрепление.

Глазам бойцов открылась страшная картина смертельного поединка: курган окружал пояс из подбитых артиллеристами танков. И трупы гитлеровцев, усеявшие поле.

В землянке красноармейцы обнаружили умирающего Аслана Велиева. Вот он-то из последних сил и рассказал об этих часах ада.

Бойцы молча обходили перепаханный снарядами курган.

Нашли дневник – его вели комсомольцы батареи.

На одной из его страниц записал свои мысли и думы Вася Ткаченко:

«...Чувство любви, которое знали мы до войны, ничто в сравнении с тем чувством любви, которое рождается на поле боя. На войне рождается одновременно самая сильная любовь и самая сильная ненависть, о которой мы, шестнадцать комсомольцев, до этого не имели никакого представления...»

Здесь на кургане, сражаясь с врагом, мы ещё глубже и беззаветнее любили нашу необъятную Родину, жизнь наших советских людей... Мы здесь вновь познали, что такое совесть солдата, гражданина, трудящегося... Смерть вырывает из наших рядов новые и новые жертвы. И всё же мы стоим непоколебимо на своём посту.

Это и есть совесть советского воина!»

По боевым донесениям, гитлеровцы за 17 и 18 ноября 1941 года потеряли 32 танка, 13 автомашин, 3 мотоцикла и до 500 солдат и офицеров.

Но так их сюда никто не звал!

И это по их вине навсегда остались лежать в Донских степях почти девять тысяч наших воинов из 317-й Бакинской дивизии.

Впервые материал об огановцах опубликован 26 декабря 1941 года в передовой статье газеты 56-й армии «Защитник Родины». Назывался он «У семи курганов», автор – старший политрук Л. Ботвинский.

Весной 1942 года готовилась Всесоюзная выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне». Открылась она на ВДНХ 22 июня 1942 года – в годовщину начала войны, там были представлены имена членов ВЛКСМ из батареи Сергея Оганова.

Военные корреспонденты Михаил Котов и Владимир Лясковский по горячим следам боя отправили и в «Комсомольскую правду» небольшую заметку об артиллеристах, повторивших на Южном фронте подвиг 28 панфиловцев.

А вскоре по поручению заместителя начальника Политуправления Южного фронта бригадного комиссара Брежнева они написали об этом подвиге книгу «Бессмертие». Леонид Ильич её редактировал.

Тогда о 16 артиллеристах узнал весь мир.

- Таковы, - пишет Владимир Афанасенко, - документальные данные о подвиге батареи. Командованием 56-й армии были представлены к званию Героя Советского Союза лейтенант Сергей Оганов, младший политрук Сергей Вавилов и старший сержант Фёдор Балеста.

К награждению боевыми орденами и медалями также представлены 16 воинов – членов ВЛКСМ и 8 артиллеристов из «несоюзной» молодёжи.

Из некоторых свидетельств можно предположить, что замковой 1-го орудия Сихашвили в декабре на Миус-фронте обморозил ноги и попал в госпиталь; а тяжелораненого Балесту вроде бы там, у Бербер-Оба, подобрала немцы.

Но это всё не точно.

Об остальных батареях, если они уцелели в бою 18 ноября 1941 года, ничего неизвестно.

А что известно нам о самом Серёже Оганове?

Приказом Министра обороны навечно занесён он в списки личного состава Тбилисского высшего ордена Красной Звезды горно-артиллерийского командного Краснознамённого училища (школы) имени 26 Бакинских Комиссаров (ТАУ).

Кстати, выпускником этого училища был и будущий командир 150-й стрелковой дивизии генерал-полковник Василий Митрофанович Шатилов – это его бойцы установили Знамя Победы над поверженным Берлином.

Но об этом – немного позднее.

Родился Сергей Андреевич (Мамбреевич) Оганов (Оганян) 23 февраля 1921 года в семье рабочего. А жила эта армянская семья в грузинском городе.

Ещё не сданы экзамены за 9 класс, а Серёжа уже подал заявление в артиллерийское училище. Зачисли. Там подружился с Васей Пузырёвым, с которым и служить, и погибнуть довелось в одном подразделении.

Тревожная весть о начале войны застала курсантов в летнем лагере.

В сохранившихся документах печального митинга говорится, что *«личный состав училища, движимый патриотическим стремлением всё отдать священному делу разгрома врага, твёрдо выразил свою готовность грудью встать на защиту родной Отчизны».*

А в протоколе митинга зафиксированы слова курсанта Сергея Оганова: *«Надо усилить учёбу, лучше себя готовить и стать командирами, тогда быстрее пошлют защищать Родину».*

Пришлось оканчивать училище скорыми темпами.

Из характеристики: *«Оганов пользуется большим авторитетом, энергичен, решителен, инициативен и изобретателен, дисциплинирован и требователен. Специальная подготовка хорошая.*

Систематически занимается над повышением как своих знаний, так и подчинённых. Достоин досрочного окончания и присвоения воинского звания лейтенанта. Можно назначить командиром батареи».

После непродолжительной службы в тылу, Сергей в июле прибывает на Южный фронт в состав 9-й армии и получает под своё командование артиллерийскую батарею.

А вот это партийная рекомендация, которую дал комсомольцу Оганову (накануне убытия на фронт, в действующую армию) командир курсантского дивизиона Тарасов:

«Я, Тарасов Михаил Михайлович, член ВКП(б) с 1918 г., партийный билет № 02392016, знаю тов. Оганова Сергея Андреевича два года по совместной работе в ТАУ.

Тов. Оганов, будучи курсантом, показал своё твёрдое желание стать командиром РККА, чтобы достойно защищать завоевания Октября.

Тов. Оганов целеустремленный, энергичный, волевой, отзывчивый в кругу товарищей. Прямо и честен, не зазнаётся, а если ошибается, то имеет мужество признать свои ошибки и быстро исправить их.

Все эти качества тов. Оганова и дают мне право рекомендовать его в члены ВКП(б)».

Принимали молодого лейтенанта в партию на собрании коммунистов батареи уже в действующей армии – перед тем самым последним боем.

Получить партийный билет он не успел.

Вот, собственно, и всё, что более или менее достоверно известно об этом бесстрашном армянском парне.

Что можно добавить?

Скорее всего – раз родился 23 февраля – эта дата как-то повлияла на ход биографии, ведь уже в 15 лет чётко определился он с будущей профессией.

В 30-е годы ещё очень свежи были в памяти события революции и гражданской войны.

Наверное, был физически здоров, раз приняли на военную кафедру.

И, наверное, эрудирован, если «достоин присвоения воинского звания лейтенанта».

Ещё Серёжа получил музыкальное образование по классу фортепиано. Больше всего, по воспоминаниям мамы, любил играть 20-й прелюд Шопена – довольно сложный этюд.

И, наверное, армянский мальчик учился в русской школе, так как вряд ли он специально учил грузинский язык.

А вот музыке, возможно, учился и у грузинских преподавателей, и из всего этого можно сделать вывод, что семья Мамбрея (Мамбрена) Оганяна не последний кусок доедала, а Сергей был мальчиком одарённым.

И тогда в Грузии никто не кричал: армяне, вон отсюда! Никакой национальной вражды – так лихо разгоревшейся потом – в те годы не было.

Вот и вся биография.

Тогда, в майский день 72-го, на открытии памятника на Бербер-Оба была и тётушка Сирануш.

30 лет назад, в далёком 41-м, жителям окрестных сёл предложили перебраться за Дон. Согласились не все.

Среди оставшихся – Анна Петросовна Бостанджян: она никуда не поедет, здесь могила её мужа Карапета Бостанджяна.

Отказалась уехать и её дочь Сирануш.

И это она, Сирануш Карапетовна сама вызвалась помогать артиллеристам.

«Тётушка Сирануш», как называли её бойцы (а была всего лишь в бальзаковском возрасте), носила на курган корзины с едой. И взяла на себя труд стирать кровавое бельё бойцов.

А Сурена Арутюняна и Аслана Велиева 14 ноября Сирануш буквально вернула с того света, когда насквозь промёрзшие, они вернулись из разведки – в тот день затяжные ливни сменились десятиградусным морозом.

И перед самой первой атакой принесла бинты, на которые изрезала свои простыни. Когда «тётушка» покидала батарею, Серёжа Оганов протянул ей вышитый платок своей мамы, попросив передать, «если – что».

В 1947 году мама Героя Советского Союза командира артбатареи Сергея Оганова Азнив Акоповна приехала в гости к пионерам Большесальской школы № 8.

Эта женщина потеряла на той войне двоих сыновей.

На фотографии, где она снята вместе со школьниками, написано: «Пусть не будет войны, чтобы ни одна мать не теряла сына. Мир всему миру. Любите Родину и защищайте её так, как сын армянского народа – мой сын Сергей».

Пока была жива, Азнив Оганян приезжала в Большие Салы каждый год.

А при первой встрече Сирануш Бостанджян и передала ей платок. Азнив Акоповна, увезла с Артиллерийского кургана горсть земли. Случайно или нет, но в этой земле оказался и осколочек снаряда.

А потом она подарила пионерам села старинный венгерский рояль, на котором играл её Серёжа. Рояль теперь украшает маленький школьный музей истории легендарной батареи.

*Артиллерийские курганы
В степи задымленной стоят
И сквозь рассветы и туманы
Как будто в прошлое глядят, -*

написал Анатолий Софронов.

*

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

*Проём окна. Сползла на мостовую
Тень, что копилась долго на дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...*

*Опасно оседающая зона.
Всего один осталось сделать шаг,
Сердитый командир у телефона.
Снарядами обглоданный рейхстаг.*

*Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из тёмных окон прыгают бойцы.*

*...История! Твои хранимы даты.
Не забудь последних тех минут:
Со знаменем советские солдаты
По Королевской площади бегут!*

6 мая 1998 года Председателем Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР Сажи Умалатовой подписан Указ:

«За героизм и личное мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны, присвоить звание «Герой Советского Союза» (посмертно) БЕРЕСТУ Алексею Прокопьевичу».

Почему же так долго – война-то окончилась в 45-м – награда не находила героя?

И почему же сегодня во всех официальных источниках БЕРЕСТ Алексей Прокопьевич значится как Герой Украины?

Со школы помнится стихотворение Сергея Михалкова:

*Как на улицах Берлина
В час боёв нашли Рейхстаг,
Как над ним два верных сына –
Русский сын и сын грузина –
Водрузили красный флаг.*

Русский и грузинский сыновья, Михаил Егоров и Мелитон Кантария, за этот подвиг получили по заслуженной награде – по Золотой звезде Героя Советского Союза.

А был там и сын третьего великого народа СССР, украинец Алексей Берест. И не просто был, а руководил всей операцией.

Но третий, из водружавших Знамя Победы над рейхстагом, был вычеркнут из наградного списка, прошёл пермские лагеря и геройски погиб под колёсами поезда.

Когда начинаешь изучать посвящённые этому человеку публикации, то – если честно – сначала просто теряешься; а потом накатывают волны недоумения, потом – разочарования, потом – раздражения и потом – злости.

Как?
Неужели?!
На каком основании?!!

И нет ответов.

Подобных случаев, наверняка, тысячи. Кто знает, сколько безымянных героев лежат – даже не похороненными – где-нибудь в Беловежской пуще, в болотах под Новгородом, в каменоломнях Аджимушкая?

Но судьба этого человека – это не только Знамя над рейхстагом.

В его жизни, как в зеркале, отразилась история нашей страны – пронзительно противоречивая; часто до боли несправедливая; с огромными тёмными пятнами недосказанности...

Имя Алексея Береста в 60-е в Ростове многими произносилось с восторгом и душевным трепетом; мальчишки посёлка Сельмаш бегали за ним по улицам, сопровождая на работу и встречая с работы, и всё не могли наглядеться!

Ещё бы!

Ведь это он, Алексей Берест, ходил тогда – в мае 45-го – парламентаром в самое логово. В рейхстаг!

И это он, Алексей Берест, поднимался под шквальным огнём врага на купол этого самого логова со Знаменем Победы.

Не «сопровождал» знаменосцев, как скромно писали журналисты.

Нет!

Не мог заместитель командира батальона старший лейтенант «сопроводать» сержантов с рядовыми!

Лично довёл бойцов до купола.

Вот только, как в «Книге про бойца» писал Александр Твардовский:

*...неизвестно почему,
спрашивать не стали,
почему тогда ему
не дали медали....*

Только в данном случае имеется в виду медаль «Золотая Звезда».

Первое упоминание о Знамени Победы датируется 6 ноября 1944 года.

Именно в этот день Сталин на торжественном заседании Моссовета призвал советских воинов: «Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы».

Красное полотнище под № 5, которое и стало известно как Знамя Победы, взметнулось над рейхстагом перед самой полночью 30 апреля 1945 года.

Командир 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии полковник Фёдор Матвеевич Зинченко назначил знаменосцами разведчиков – сержанта Михаила Егорова и младшего сержанта Мелитона Кантария.

Но самостоятельно выполнить задачу знаменосцы не смогли.

Вывел их на крышу рейхстага и прикрыл огнём замполит Алексей Берест.

Втроем они салютовали с вершины купола Родине о победе над фашизмом.

Под ними, тремя, лежал поверженный Берлин...

Но Алексею Бересту достался только орден Красного Знамени.

Алексей Прокопьевич (по-украински – Олексій Прокопович) Берест родился 9 марта 1921 года в селе Горяйстовка (Горайстивка) Ахтырского района Сумской области Украины в бедной семье ветерана Первой мировой Прокопа Никифоровича и его супруги Кристины Вакумовны. У этой пары было шестнадцать детей. Выжили девять.

В одиннадцать лет Алёша остался круглым сиротой – это те самые голодные 30-е годы.

Опеку над детьми взяли старшие сёстры – Марина и Катя, но выдюжить не смогли и весной 33-го, дабы пацан не умер, отдали его в Ахтырский детдом.

Но связи с младшим братиком не теряли, и уже взрослым, приезжая после войны ежегодно к ним в гости, Алексей всегда говорил: «Мои любимые мамы».

Учился Алёшка на четвёрки, на память не жаловался. Но весной и осенью пропускал занятия – нужно было помогать сёстрам на огороде, а во время летних каникул работал в колхозе наравне со взрослыми.

Семь классов он так и не окончил.

А через три года в соседней деревне Чупаховке при машинно-тракторной станции открылись курсы трактористов, и Алексей отправился поступать.

Но туда брали с 18, и он решил схитрить – метрику свою спрятал, комиссии сказал, что потерялась, и добавил себе два года.

Парню поверили: природа-то статью не обделила – ростом под два метра, плечистый. А силой обладал богатырской: позднее друзья рассказывали, лейтенант Берест легко поднимал двух фрицев и сталкивал их лбами!

Вот так Алексей Прокопьевич Берест и стал первым трактористом в своём селе. В смысле – единственным.

Но распахивать родные поля ему довелось недолго – два приписанных года позволили в октябре 39-го добровольцем уйти в Красную Армию – шла Финская война

Алёша попадает в состав 2-го полка связи Ленинградского округа.

Под Новый год группа бойцов устанавливала связь между командным пунктом и миномётным подразделением. Телефонисты шли тихо, разматывали кабель и сразу присыпали его снегом.

Вдруг Алексей крикнул «Ложись!» и повалил командира. Пуля прошила его шинель, но самого не задела. А друзья выстрелом сняли с дерева вражеского снайпера – «кукушку».

Так в личном деле первой (после автобиографии) появилась копия благодарности *«красногвардейцу Бересту А. П. за спасение жизни командира»*.

Утром 22 июня 1941 года Алексея и ещё нескольких связистов отправили под Ленинград. На новом месте, уже вечером, сообщили страшную новость. А их, лучших телефонистов, отобрали для обеспечения связи с зенитными батареями, оборонявшими Северную столицу. В тот же день зенитчики вступили в тяжёлые бои.

Через год Алексей Прокопьевич Берест уже сам был командиром отделения.

Молодого командира отправили в Ленинградское военно-политическое училище, эвакуированное тогда в Шую.

Правда, он не имел общего среднего образования, но по всем иным требованиям подходил – был и неплохим организатором, и отличным бойцом на фронте! Так что зачислили его сразу на второй курс. Занятия шли ускоренными темпами – с декабря 43-го по сентябрь 44-го, с утра до вечера и без выходных.

В аттестации Алексея записано: *«Хорошо стреляет. В строевом отношении собранный. Спокойный, весёлый, товарищеский, энергичный. Физически здоров, в походах вынослив»*.

По окончании училища попадает он на 1-й Белорусский фронт, в 756-й стрелецкий полк, которому в составе 150-й первой стрелецкой дивизии и выпало увенчать долгожданную Победу алым советским знаменем.

Берест назначается заместителем командира батальона (по политчасти) капитана Степана Андреевича Неустроева.

Однажды ночью, во время сопровождения пленного немца до штаба дивизии, он вступил в рукопашный бой с фашистами, затаившимися в засаде. Немец выхватил финку. Замполит пригнулся – острое лезвие зацепило щеку. Скомандовав своим солдатам держать «языка» и не вступать в бой, он схватился за нож и выкрутил его из рук врага. Началась стрельба.

Берест крикнул своим:

- Ведите, я прикрою! - и ударил огнём из автомата.

Фашисты как неожиданно напали, так мгновенно и исчезли.

А у Алексея Прокопьевича на всю жизнь остались шрамы на лице и правой ладони.

Но в начале войны было не до наград. И самым высоким отличием для молодого политрука стал приём в комсомол, а в марте 1943 года на Волховском фронте – в партию. Сразу избрали парторгом отдельной роты.

Сохранилась характеристика, подписанная командиром батареи гвардии лейтенантом Стародубцевым: *«Ефрейтор Берест А. П. в боях проявил себя мужественным и отважным бойцом. Работал парторгом отдельной батареи, личным примером и пламенным словом зажигал бойцов и командиров на подвиги. Честный и трудолюбивый, пользуется авторитетом среди товарищей».*

Ему довелось освободить Польшу, прорывать оборону фашистов на Одере, пройти с боями по улицам Берлина.

Из рассказа самого Алексея Прокопьевича:

- Серый рассвет 30 апреля застал полки 150-й дивизии в центре Берлина. Трудным и долгим был боевой путь стрелкового соединения. Сформированное в 1939 году, оно участвовало в боях в Финляндии, в первый день войны солдаты отражали атаки врага на Дунае и Пруте.

Отбиваясь от рвущегося к Ростову врага, осенью 41-го года в составе 9-й армии дивизия в Донских степях отбросила полки Клейста на запад, к Миусу. И потом были ещё бои и бои, прежде чем дивизия ворвалась в логово врага.

После форсирования Шпрее батальон Неустроева захватил помещение немецкого министерства внутренних дел и гестапо – бойцы прозвали его *«дом Гимmlера»*.

Берест переписывал ковры, картины, статуи – для передачи музеям.

В одном из сейфов обнаружили коробку со швейцарскими часами, подготовленную *«для генералов рейха, чьи подчинённые возьмут Кремль в Москве»*.

Возмущению бойцов не было предела: ну, вконец обнаглели!

- А мы вручим их своим солдатам, которые взяли дом Гимmlера и пойдут на штурм рейхстага!
- выкрикнул Берест.

Когда начал вручать, протянул руку и какой-то совсем незнакомый офицер. Замполит ему тут же выдал, что думал:

- Я вас что-то в боях здесь не заметил. С такими длинными руками – к церкви. Там, может, и дадут.

- Ну что ж, ты ещё пожалеешь об этом, - процедил тот и под всеобщее улюлюканье, разъярённый, ушёл.

Говорили, что это был офицер из СМЕРШа.

...Та самая Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года и по плану должна была закончиться 25-го, но растянулась на две недели.

150-я стрелковая дивизия вела тяжелейшие уличные бои, продвигаясь по два-три километра в сутки к центру.

Все здания и улицы немцы приспособили для обороны. Верхние этажи – напичканы снайперами и автоматчиками.

Собственно, а почему должно было быть по-другому?

Они защищали свою столицу.

16 апреля 1945 года состоялось совещание начальников политотделов всех армий 1-го Белорусского фронта по вопросу, как выполнить указание Сталина: где и на каком объекте водружать Знамя Победы?

Жуков, рассудив, что это вопрос политический, обратился в Главное политуправление.

Ответили: над рейхстагом!

Шансы первыми подойти к германскому парламенту предпочтительнее были у 3-й ударной армии.

Поэтому изготовили девять знамён – по числу в этой армии соединений.

В ночь на 22 апреля – ко дню рождения Ленина – от имени Военного совета армии знамена между соединениями и распределили.

Знамя № 5 получил командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор Василий Митрофанович Шатилов.

Специально оговаривалось, что первые из бойцов, водрузивших знамя над рейхстагом, станут Героями Советского Союза. Эту информацию командиры обязывались довести до каждого воина.

Но штурмующие подразделения почему-то не поняли, что учитываться будут – только те девять стягов Военного совета!

Всё это впоследствии обернулось великой путаницей, лавиной фальсификаций, нелепыми обвинениями.

И обманутыми надеждами.

А ещё Военный совет не задумывался над тем, что выбранный объект, собственно, давно для нацистов не имел никакой ценности – ни политической, ни, тем более, исторической.

По прямому назначению рейхстаг и ранее использовался не всегда: в 1894-1918 годах заседал здесь парламент кайзеровской Германии, затем, до 1933 года, – парламент Веймарской республики.

А 27 февраля 1933 года этот объект вообще сгорел. Нацисты обвинили в поджоге коммунистов (конкретно – Георгия Димитрова) и быстренько использовали этот предлог для получения чрезвычайных полномочий в расправе с политическими противниками.

А потом в обгоревшем здании проводились антисемитские и антикоммунистические выставки; здесь же демонстрировались макеты *«столицы всего мира»*, которую Гитлер планировал возвести на месте Берлина.

А депутаты возглавляемой им партии собирали свои нечастые заседания в здании «Нового рейхстага» – Крольль-оперы («Ноес рейхстаг»), за что берлинцы прозвали их *«мужским хором с самой высокой зарплатой в мире»*.

«Ноес рейхстаг» не сохранился. Ныне на этом месте Площадь Республики.

С 1942 года – в рейхстаге же старом – располагались военный госпиталь и родильное отделение берлинской клиники «Шарите». Сюда же переехали несколько цехов фирмы АЕГ, выпускающей детали для приёмников.

То есть, во время войны в немецком парламенте делали радиолампы и рожали детей. А к весне 45-го вообще всех эвакуировали.

Крольль-оперу взяла 207-я стрелковая дивизия, и бойцы говорили: *«Был бы комдив такой же шустрый как Шатилов, то Знаменем Победы было наше знамя № 6»*.

Свой флаг дивизия водрузила руками комсорга младшего лейтенанта Привалова.

Комдив Асафов и его бойцы ждали, что именно этот флаг объявят официальным Знаменем Победы, ведь Крольль-опера – это «новый рейхстаг».

Но дня через два объявили про Знамя Победы от генерал-майора Василия Шатилова.

Многие тогда говорили: Асафов – татарин, потому их № 6 и не признали главным...

Кто его знает, почему?

Но и это не всё.

Оказывается, о взятии рейхстага вообще доложили заблаговременно.

Рейхстаг был подготовлен к круговой обороне – окна заложены кирпичом, оставлены лишь небольшие по размеру амбразуры и бойницы.

30 апреля перед рассветом выдвинутые в первый эшелон три спешно доукомплектованных батальона двинулись на штурм.

Две атаки из-за шквального огня – отбиты. Но в полдень 30 апреля 1945 года в штаб 1-го Белорусского фронта поступило сообщение, что рейхстаг взят, и красное знамя – на нём. Весть быстро долетела до Москвы.

Пришла ответная телеграмма от Верховного Главнокомандующего.

На самом деле в это время ни одного советского солдата в рейхстаге ещё не было.

Штурмующие батальоны, прижатые к земле плотной огневой завесой противника, находились на площади, в двухстах метрах от здания.

Желаемое за действительное – почему, до сих пор совершенно не ясно (а сам он рассказывает не очень вразумительно) – выдал Шатилов, командир 150-й стрелковой.

Когда разобрались в обстановке, новость уже жила своей жизнью.

И Сталин уже поздравил.

В своей документальной повести командир батальона Степан Андреевич Неустроев рассказывает, как на командный пункт позвонил Шатилов и потребовал от Фёдора Зинченко принять меры к тому, *«чтобы водрузить флаг или хотя бы флажок на колонне парадного подъезда – любой ценой»*.

Ну, любой – значит, любой...

Гвозди бы делать из этих людей...

Реальный шанс у штурмующих подойти и ворваться в рейхстаг появился только с наступлением темноты. Тридцатиминутная артподготовка началась в 21.30 по местному времени, а в 22.00 штурм возобновился.

Из окна дома Гимmlера в тумане неясно проглядывали контуры тёмного здания.

- *Очередь за этой коробкой*, - указал на него Зинченко, - *Что это за дом? Приведи немца, того, который побойче!* - обернулся он к автоматчику.

- *Что за здание?* - спросил он пленного. - *Или не знаешь Берлина?*

- *Даст ист рейхстаг*, - ответил тот.

- *Что-о?* - не скрыл удивления комбдив. - *Рейхстаг? Не ошибся ли?*

Услышав ответ немца, все, кто находился в подвале, бросились к окнам.

- *Братцы! Рейхстаг! Вот он!*

Значит, это и есть конечная цель тех жертв и страданий, к которой долгие годы войны упорно шли советские люди.

Между ним и домом Гимmlера – большая Королевская площадь (Кёнигсплац), разделённая пополам глубокой канавой с водой. Воронки, траншеи, окопы, доты – повсюду. В соседнем парке Тиргартен – зенитки, орудия и танки.

В очень сложной обстановке ночного боя и в перемешанном составе руководство взяли командиры авангардной группы: офицеры из неустроевского батальона – начальник штаба Гусев, агитатор политотдела капитан Матвеев, офицер корпуса капитан Маков и замполит лейтенант Берест.

По их команде бойцы стали забрасывать гранатами коридоры и выходы из подземелья.

А с рассветом началась артподготовка. Загремели пушки, «катюши», но здание стояло.

Батальон Неустроева первым бросился на штурм. Немцы ответили огнём. Пришлось залечь.

Во весь рост поднялся со знаменем полка Пётр Пятницкий – ему всего несколько дней назад присвоили звание младшего сержанта. Вместе с ним бросились другие бойцы.

После трёх атак, в середине дня, группа прорывается к входу. Массивная дверь, естественно, заперта. Пришлось таранить бревном. Штурмующая группа сразу же бросилась захватывать помещения первого этажа и баррикадировать выходы из бункера.

Вместе с неустроевцами в рейхстаг ворвались бойцы батальона капитана Василия Давыдова.

Пятницкий упал за несколько метров до дверей рейхстага.

Знамя подхватил Пётр Щербина и вот, в 14.30 знамя № 5 реет на центральной колонне.

Приказ Сталина выполнен.

Но всем понятно: знамя на крыше и знамя у входа – не одно и то же.

Маков отдал команду старшему офицеру связи Владимиру Минину установить знамя 79-го стрелкового корпуса на крыше рейхстага и в помощь дал семь пехотинцев.

Достигли чердака. Через слуховое окно выбрались на крышу и к башне прикрепили знамя. Затем перенесли его на скульптурную группу. Это были бойцы-добровольцы из 136-й артбригады: Заги-тов, Бобров, Лисименко, Минин.

Зафиксировал факт водружения этого первого знамени на крыше рейхстага офицер штаба корпуса майор Михаил Бондарь.

Было примерно 22.30. по местному времени.

Маков поднялся к знамени и тут же доложил по рации в штаб 79-го стрелкового корпуса о водружении. Свидетелем доклада был Неустроев, а принимал сообщение начальник политотдела армии Лисицын.

А через час красное полотнище на западном фасаде укрепил взвод разведки 674-го стрелкового полка во главе с лейтенантом Сорокиным.

Стремление бойцов взять рейхстаг и установить на нём флаг было таким сильным, что солдаты перед его штурмом рвали на флаги немецкие матрасы, наволочки, перины – всё, что было из красной ткани. Потом много смеялись – находились даже фрагменты семейных трусов.

Кому достался метр и больше, кому совсем небольшой кусочек.

С этими флагами и флажками и рванулись на рейхстаг.

Вот, собственно, откуда столько знаменосцев Победы сегодня.

Трескались и оседали от пуль зеркала, рассыпались в пыль хрустальные люстры, раскалывались мраморные скульптуры, всё гремело от взрывов гранат. Жестокий бой шёл за каждый метр, каждую комнату, каждый этаж.

В окнах, на колоннах, в дверях, в залах появлялось всё больше и больше алых лоскутков.

Далеко за полночь, во время очередного затишья, прибыл командир дивизии полковник Фёдор Матвеевич Зинченко.

Слово Степану Неустроеву:

- Я доложил, что знамён много: флажки взводные, ротные, бригадные, корпусные установлены на рейхстаге в расположении их позиций.

Но полковника интересовало другое: «Где знамя Военного совета армии под № 5?! Я же приказал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с первой ротой!»

Знамя доставили (между тремя-четырьмя часами ночи) разведчики Егоров и Кантария.

Зинченко: «Быстро на купол. Установить на самом видном месте!»

Те побежали и через минут двадцать вернулись растерянные: «Там темно, у нас нет фонариков, мы не нашли выход на крышу...»

Зинченко им, краснея: «Родина ждёт. Весь мир ждёт. Исторический момент, а вы – фонариков!..»

Вот тогда Неустроев и передал приказание комдива своему замполиту лейтенанту Алексею Бересту, так как был абсолютно уверен – тот не подведёт!

Берест, Егоров, Кантария и отделение автоматчиков Петра Щербины начали пробираться на купол. Сразу на втором этаже раздались автоматные очереди и разрывы гранат. Завязался бой.

Уже в наши дни появилась очередная версия, что-де *«отец всех народов»* специально приказал подобрать для водружения Знамени Победы символических героев: один сын Кавказа, земляк; а другой – представитель великого русского народа, считавшегося старшим братом всех остальных.

А Бересту ничего не дали, потому что Сталин не любил евреев.

Но вроде бы Берест – украинец. А-а, ну, тогда – за то, что многие малороссияне служили Германии.

Но разве только малороссияне?

Вот такие сплетни.

Но люди, которые были у рейхстага тогда, весной 45-го, знают больше. Никто по национальному признаку бойцов на купол горящего дома не посылал.

Просто – требовались самые отважные, выносливые, опытные. Просто – Зинченко с Неустроевым и выбрали (из тех, кто был рядом) самых проверенных и самых надёжных своих ребят.

Когда наверх стали пробираться, никто не знал – вернётся ли кто живой, хоть ты русский, хоть украинец, хоть грузин, хоть еврей...

А если бы Егорова и Кантария убили, кто Героями Союза бы был?

Ведь щербинскую группу поддержки на разбитой лестнице почти всю положили. И тоже очень несправедливо, что кроме Береста, больше никого не вспоминают.

Те ребята – герои не меньше.

А пока – добрался Алексей Берест до исковерканной статуи кайзера Вильгельма, на него бросаются двое немцев. Лейтенант схватил железную руку и наотмашь врезал ею по голове одного из нападавших. Второй сзади схватил Береста за горло. В это время на помощь Бересту подскочил солдат с гранатой, но, промахнувшись, вместо гитлеровца врезал по спине самому лейтенанту.

А Алексей бросил императорский кулак в центр площадки – и немцы приняли его за гранату. Несколько мгновений замешательства хватило, чтобы перезарядить оружие.

Потом он расскажет:

- Ребята меня быстро перевязали, и дальше...

Из-за артиллерийских обстрелов лестница в отдельных местах была разрушена – мы образовывали живую лестницу.

Нижним был могучий Берест, на плечи ему становится Кантария, сверху – Егоров.

Он в буквальном смысле слова выдержал операцию на своих богатырских плечах: как котят, подсаживал и вытягивал знаменосцев.

А как руководитель операции – на разбитую крышу вышел первым, чтобы выяснить обстановку и обезопасить установку знамени. И только после этого разрешил подняться и разведчикам.

Воспоминания Неустроева:

- Зинченко матерился так, что стены дрожали как при артобстреле.

Прошло больше часа. Думали, всё: нет никого в живых.

И вдруг видим: на фоне стеклянного купола рейхстага пляшут трое. Понятно, что не от радости. Просто, если двигаешься, меньше вероятности попасть под пулю.

Когда Берест вернулся и доложил, что алое Знамя Победы установлено на самом видном месте – на бронзовой конной скульптуре на фронте главного подъезда, Неустроев спросил:

- Не оторвётся?

- Сто лет простоит, мы знамя к лошади ремнями привязали.

- А солдаты как?

Смеётся:

- Ничего. Я их на крышу за шиворот затащил.

Это знаменательное событие произошло 30 апреля 1945 года в 22.50.

- *Стеклянный купол рейхстага светился от взрывов, - это Алексей рассказывал уже своей дочке Ирине, - Крыша железная гудела как орган. Сверху видно было: весь Берлин горел. Я теперь точно знаю, как оно в аду. Если тебе скажут, что страшно не было, не верь.*

К исходу следующих суток, когда огонь вражеских снарядов смёл с западной стороны многие доставленные сюда флаги, в том числе и тот, что водрузили маковцы, знамя Военного совета 3-й ударной армии осталось невредимым.

Тогда фашисты подожгли мебель в одном из залов.

Дымилась ковры и кресла, деревянные панели стен и пол. Пламя быстро охватило часть помещения.

Немцы ринулись в контратаку, применили фаустпатроны. На людях тлела одежда, обгорали волосы, от дыма нечем было дышать...

Полковник Зинченко распорядился покинуть здание и после того, как оно выгорит изнутри, атаковать заново.

Но выполнить приказ уже возможности не было: часть рот отсечена огнём, парадный подъезд также под жесточайшим обстрелом.

В горящих залах, на лестницах и переходах вновь завязался кровопролитный встречный бой.

На исходе ночи 1 мая разведчики Неустроева, осматривая здание, обнаружили в стене дверь на первом этаже. Лестница уходила вниз. Спустившись по ней в подвальное помещение, бойцы оказались в большом бетонном зале. И тут же попали под пулемётный огонь.

Неустроев послал новую группу разведчиков в бункер. Они захватили пленных.

И тут выяснилось – под рейхстагом-то, оказывается, размещаются обширные помещения, связанные между собой многочисленными туннелями и переходами. В них – более 1000 человек во главе с генерал-лейтенантом, комендантом Вейдлингом.

Короче, утром надо было начинать новый штурм.

Но из 450 солдат батальона Неустроева почти половина – раненые или убитые. Остальные спали на ходу.

И Алексей Прокопьевич Берест совершает в рейхстаге ещё один подвиг.

Замполит сыграл ещё одну (историки говорят, что аналогов в XX веке нет) роль в окончании Второй мировой войны.

По сути – он поставил в этой войне точку.

В короткой же автобиографии напишет всего одну сухую фразу: «Также обстановка потребовала переодеться в форму полковника и вести переговоры с немецким командованием».

Штурма не последовало.

В четыре часа утра 1 мая фашисты, окопавшиеся в подвалах немецкого парламента, наконец, что-то для себя решили и, наконец, выбросили белый флаг.

Они согласились на переговоры, но выдвинули условие: поскольку разговаривать будет генерал, то и от советской стороны должен быть, в крайнем случае, полковник.

Причём полномочия он должен иметь от командующего фронтом или армией!

Связываться с Зинченко или тем более с Шатиловым – когда каждый сантиметр Королевской площади простреливается – было совершенно нереально.

Самым высшим советским чином в рейхстаге на тот момент был комбат капитан Степан Неустроев – невысокий и мелкокостный.

Сам он потом говорил – просто побоялся: при его комплекции немцы не поверят, что перед ними высокий чин Советской Армии.

Потому и решили, что идти к фрицам (дабы избежать ненужного кровопролития) должен лейтенант Алексей Берест – парень крепкий, живое воплощение русского Ивана.

Вот пусть он роль полковника и сыграет.

Воды, чтобы отмыть копоть, не было. Но в одной из комнат нашлось несколько бутылок белого сухого вина. Обтерев этим «посьоном» лицо и шею, Алексей «насухо» побрился, на скорую руку подшил новый подворотничок, лейтенантские погоны прикрыл трофейной кожаной курткой.

Капитан Матвеев подал ему свою новую фуражку с красным околышем.

Вот так, одним из первых – в Берлине – и одним из последних – в этой войне – Алексей Берест стал представителем командующего 3-й ударной армии генерал-полковника Василия Ивановича Кузнецова на переговорах о капитуляции гарнизона рейхстага.

И представителем всей своей Великой Родины.

И представителем всех держав-победительниц.

Сам Неустроев пошёл адъютантом. Он сбросил ватник, чтобы была видна гимнастёрка с орденami. Переводчику солдату Ивану Прыгунову прикрепили погоны старшего лейтенанта.

Сказать, что парламентёры, спустившись в подвал, сильно рисковали – это не сказать ничего.

Немцы – нетрезвые, не спавшие несколько суток, озлобленные и навсегда отчаявшиеся – терять-то им уже нечего – могли просто пристрелить в любой момент.

А могли и устроить показательные пытки.

Из воспоминаний капитана Степана Неустроева:

- Сейчас, через много лет скажу откровенно: идти на переговоры мне было страшно.

Навстречу нам вышел немецкий офицер. Приложив руку к головному убору, он коротко, но вежливо указал, куда следовало идти. Мы попали в слабо освещённую, похожую на каземат, комнату. На нас были направлены дула пулемётов и автоматов. По спине пробежал мороз. В помещении установилась мёртвая тишина.

Лейтенант Берест, нарушив молчание, решительно заявил: «Все выходы из подземелья блокированы. При попытке прорваться каждый из вас будет уничтожен. Предлагаю сложить оружие. Гарантирую жизнь всем вашим офицерам и солдатам, раненым – медицинскую помощь».

Продолжались переговоры свыше двух часов.

Немцы тянули время.

Их полковник на ломаном русском языке объяснял, что немецкое командование готово идти на капитуляцию, но при условии: русские солдаты будут отведены с огневых позиций – дабы не устроили самосуд.

Берест стоял на своём: если те хотят ещё немножко пожить (совесть позволяет?), то должны без оружия подняться наверх, пройти через наши боевые порядки – как положено всем военнопленным – и под дулами автоматов.

Полковник начал хорохориться: мол, неизвестно, кто у кого в плену – их в рейхстаге значительно больше, выход под прицелом.

Берест только усмехнулся:

- *Вы забываете, что «беседа» наша не в Москве, а в Берлине...*

И – жёстко:

- *Я не за тем шёл сюда четыре года, чтобы сдаваться! Повторяю, мы вас уничтожим всех.*

Наконец полковник-«собеседник» отправился с докладом к своему начальнику – коменданту гарнизона рейхстага.

Комендант заявил, что один из парламентариев должен остаться с ними в качестве заложника.

- *Товарищ полковник!* - козырнул Прыгунов. - *Разрешите обратиться: я остаюсь здесь...*

Алексей знал его всего месяц. Ваню пятнадцатилетним угнали в Германию. Около трёх лет просидел в концлагере, был освобожден, прошёл проверку СМЕРШа и вот, призван в армию.

И теперь, может, в последний день войны, этот пацан добровольно остаётся в фашистском логове.

Алексей предупредил стоящего ближе других немецкого генерала: смотри, мол, головой отвечаешь за жизнь старшего лейтенанта Прыгунова.

Наконец гитлеровцы попросили для раздумий ещё двадцать минут.

- *Если за это время вы не выбросите белый флаг, начнём штурм. Всё, хватит,* - бросил Берест, и парламентарьи пошли по ступенькам наверх.

Автоматы и пулеметы смотрели им в спины...

Сколько мужества нужно было, чтобы идти так спокойно, зная, что ты открытая мишень!

- *Когда мы уже выбрались в вестибюль,* - рассказывал Алексей Прокопьевич, - *эсэсовский офицер, сопровождавший нас, выстрелил мне в спину, но промазал. Я, резко развернувшись, разрядил свой пистолет, и тотчас же вспыхнула стрельба.*

Пуля пробила матвеевскую фуражку.

А потом немцы устроили перестрелку и между собой – капитулировать, вероятно, соглашались далеко не все.

Говорит Неустроев:

- *И мы покинули подземелье. Легко сказать, покинули... Дорога казалась очень длинной. А её следовало пройти ровным и спокойным шагом.*

Нужно отдать должное Алексею Прокопьевичу Бересту. Он шёл неторопливо, высоко подняв голову.

В указанное Берестом время немцы с поднятыми руками стали выходить из подвалов рейхстага.

К этому времени к зданию уже прорвались и другие подразделения.

Утром 2 мая немецкий гарнизон Берлина во главе с его комендантом генералом Вейдлингом капитулировал.

Из подвала потянулись группы солдат и офицеров. Полтора часа – бледные, с понурыми лицами – они шли медленно, подняв вверх руки.

Их было более полутора тысяч, а внизу остались ещё сотни раненых.

Немецкий полковник, первым встретивший Береста в подземелье, узнал его, подошёл и положил свой пистолет к его ногам, хотя и разглядел лейтенантские погоны.

Генерала видно не было. Не появился и Ваня Прыгунов. Алексей расспрашивал выходявших из подземелья немцев, грозил им, чего-то обещал...

Но никто ничего не мог сказать о судьбе юного русского переводчика.

Берест послал в бункер солдат.

Они обшарили все закоулки, но Ваню не нашли.

Итак, страшных четыре года окончились.

Берлин пал.

Это подтверждала капитуляция.

И это подтверждало Знамя Победы. Оно было прострелено в нескольких местах, древко расколото пулей – немцы пытались срезать его огнём.

Но не удалось.

Вот что рассказывал один из свидетелей штурма:

- Здание горело. Всё в дыму. Любой мог выбросить красный флажок, красную скатерть из кабинета на штыке... С противоположной стороны вообще могли что-то в окно высунуть... Лётчики с самолёта могли что-то красное сбросить...

В неразберихе разговор может быть только про судьбу Знамени Победы № 5 150-й дивизии. Могла бы опередить её со своим Знаменем Победы 171-я стрелковая.

Но – не судьба.

Как и все советские люди, лейтенант Берест не очень разбирался в расположении помещений рейхстага, да ещё под огнём, да ещё ночью! Он вывел Егорова и Кантария на крышу, но не на западную сторону, видимую начальству со стороны Королевской площади, где уже развевался флаг, водружённый маковцами.

Знамя Победы было водружено на противоположной стороне – восточной.

Там тоже над подъездом возвышался фронтон, а над ним находилась скульптура конного рыцаря.

И Берест послал Егорова и Кантария снова, уже при свете дня, перенести Знамя на самую верхушку рейхстага – дабы видно было отовсюду!

И они покарабкались по металлическим рёбрам купола, а в этих рёбрах везде торчали осколки стёкол.

Руки сержант с младшим сержантом изрезали чуть не до кости, но Знамя установили.

А рейхстаг в этот день стал местом паломничества.

«Сюда, - рассказывал Неустроев, - приходили пешком, приезжали на танках, автомашинах, на конях... Всем хотелось посмотреть на рейхстаг, расписаться на его стенах. Красных флагов по всему помещению появилось ещё больше. Приехали корреспонденты и фоторепортёры».

Но 1 мая – ещё было не до корреспондентов.

А снимки появились!

Где же истина?

На фотографиях известного советского фотокора Евгения Халдея «*Знамя Победы над рейхстагом*» (упоминаются также под названием «*Красное знамя над рейхстагом*»), широко используемых в публицистике, в исторической и учебной литературе о Знамени Победы – в действительности – запечатлено не Знамя Победы.

Которое, кстати, водружалось поздно вечером.

А позировавшие днём сержанты Абдулхаким Исмаилов, Леонид Горичев (стоят) и Алексей Ковалёв (держит древко) на одну из башен рейхстага устанавливали красное знамя, специально привезённое Евгением Ананьевичем по заданию ТАСС.

И свои снимки делал он 2 мая 1945 года, в уже более спокойной обстановке.

Использование художественных фотографий Халдея как символа Победы не законно ещё и потому, что войска 8-й гвардейской армии (в которой числились запечатлённые на фотографии военнослужащие) не принимали участия в штурме и взятии рейхстага; с боями они дошли только до Бранденбургских ворот.

Никакой их вины в этом нет – у каждой армии была своя задача, да и позировать они могли по приказу.

И все остальные фотоснимки знаменитых военных фотокоров И. Шагина, Б. Шейнина, А. Морозова, В. Тёмина, заполонившие газеты, появились тоже только через день.

И кадры хроники взятия рейхстага – постановка. Фронтовому оператору выделили несколько подразделений, и они по команде воспроизвели примерную картину взятия фашистской канцелярии.

Очень хорошо, что сделали специальную фото- и кинохронику – другой нет.

Только эти постановочные кадры – и надо честно называть постановочными.

Мнение Ирины Алексеевны Берест:

- Не хочу выглядеть циничной, говоря о святых вещах, но со Знаменем Победы произошло примерно то, что и с ленинским бревном, которое с Ильичём «носили» уже сотни человек. Чем больше лет отделяет нас от весны 1945 года, тем легче обнародовать факты, плохо поддающиеся проверке и идентификации.

Хотя, Ирина Алексеевна, естественно, признаёт, что события, разворачивавшиеся в те дни у рейхстага, дают сегодня повод многим фронтовикам причислять себя к тем знаменосцам.

Но что касается съёмки – это всё – 2 мая, при дневном свете.

Её отец не любил смотреть фильмы про войну. Говорил коротко – брехня.

- А для многих из тех, кто позировал, - горько заключает Ирина Берест, - кадры стали поводом требовать для себя награду за водружение Знамени Победы.

Её отца среди них не было.

Он выполнял новую задачу командования: сопровождал эшелон с репатрированными.

Наградные листы на присвоение звания Героя Советского Союза за штурм рейхстага и водружение на нём Знамени Победы были представлены на десятки людей. Так что политотделу 3-й Ударной армии и политуправлению 1-го Белорусского фронта пришлось разбираться в этом вопросе целый год!

В середине апреля 1946 года отобрали конкретных кандидатов.

Наконец «Правда» опубликовала Указ:

«Присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда капитану Давыдову Василию Иннокентьевичу, сержанту Егорову Михаилу Алексеевичу, младшему сержанту Кантария Мелитону Варламовичу, капитану Неустроеву Степану Андреевичу, старшему лейтенанту Самсонову Константину Яковлевичу.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Н. Шверник.

Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. Горкин.

Москва. Кремль. 8 мая 1946 года».

Алексей Прокопьевич Берест получил орден Красного Знамени.

Что же произошло?

Ведь в наградной реляции на звание Героя, подписанной командующим войсками 3-й Ударной армии генерал-полковником Василием Кузнецовым и членом Военного совета армии генерал-майором Александром Литвиновым, чёрным по белому конкретно указано, *«отважные воины, коммунист лейтенант Берест, комсомолец сержант Егоров и беспартийный младший сержант Кантария установили знамя над зданием германского парламента».*

Однако из списка Алексей Берест был вычеркнут.

По одной из версий – рукой самого Кузнецова, по другой – рукой маршала Жукова.

Степан Неустроев только через много лет передал семье Берестов слова ещё одного члена Военного совета фронта – комдива Константина Фёдоровича Телегина: *«Жуков виноват. Он к нашему брату политработнику относился не очень. Прочёл фамилию Береста и говорит: «Ещё один политработник».*

Взял и вычеркнул. Если бы вы, Степан Андреевич, написали в реляции «заместитель командира батальона» и поставили бы на этом точку, Берест бы прошёл».

Может, это и так. Действительно, Георгий Константинович, воспитанный ещё в царской армии единоначальником, не особенно любил политработников, которые в своё время попортили ему немало крови.

Но почему же потом не объяснили ситуацию маршалу те, кто ею владел, кто был в том самом пекле – Шатилов, Неустроев, Зинченко, Егоров, Кантария?

Почему не настоял тот же Кузнецов?

Вот такая версия.

По следующей – смершевцы припомнили ему «дом Гимmlера».

К тому же, замполит составил музейную опись художественных ценностей. А их отвезли в особняк одного из советских военачальников.

Алексей Прокопьевич запротестовал.

А возможно, сыграл свою роль инцидент, когда в пылу наступления бойцы, не разобравшись, какое помещение штурмуют, взорвали двери; а оказалось, что это было посольство одного из нейтральных государств, которое сразу же обратилось с нотой к советскому правительству!

Что, конечно же, чести этому посольству не делает – нейтралитет держать очень выгодно – сами бы сначала на купол слазили и в бункер спустились...

Но замполита Береста обвинили *«в плохой воспитательной работе в батальоне».*

Всё это вошло в чёрное досье на героя-лейтенанта.

Существует и ещё одна версия.

Никем и ничем, собственно, не подтверждённая, но время от времени проскальзывающая в СМИ.

Сам Берест об этом никогда ни с кем не говорил.

История очень банальная.

После того, как свершилась безоговорочная капитуляция фашистской Германии, беззащитный собственно-то Берлин оказался в руках советских воинов...

Победителей...

По старой как мир традиции – горе побеждённым.

Просто советское командование не ожидало подобного. Когда поняли, что происходит, было уже поздно.

Жуков – опять-таки, по слухам – честно признавал, что три дня(!) ничего сделать не мог.

Да и как винить этих советских ребят? Существует же понятие – святая месть... Они такую войну – пол-Европы по-пластунски...

Насмотрелись... У каждого кто-то погиб... Сами перекалеченные...

Всё звало к расплате!

Единственное, в чём командование быстро сориентировалось – не допустить ни в коем случае никакой утечки информации! Это в первую очередь военные начальники и организовали.

А уж потом взялись за наведение порядка. Конечно, пришлось принимать меры довольно крутые. Пускали в расход без раздумий. Не разбирались, кто виноват, а кто рядом стоял...

И вот тут (по воспоминаниям пожелавшего навсегда остаться неизвестным свидетеля) вроде бы упоённый свалившейся на него славой лейтенант Алексей Берест решает проявить инициативу.

Пишет самоличное письмо Верховому Главнокомандующему о творящихся в немецкой столице безобразиях и предлагает свои соображения.

Глупо, конечно. Уж если бог-Жуков ничего не мог сделать... Кто такой Берест?

Но и смело! Очень смело, по-берестовски!

До Сталина депеша не дошла. Что-что, а дисциплина в ставке была образцовой. Любой документ – сначала маршалу.

Когда Георгию Константиновичу данная депеша легла на стол, он пережил ещё одно взятие Берлина...

Разговаривали ли вообще с лейтенантом на эту тему, неизвестно.

Отметим сразу: наказывать маршал Жуков лейтенанта Береста не стал.

Лейтенант выполнил, может быть, невыполнимое: обеспечил водружение Знамени Победы.

И заставил немецкую гадину наконец-то поджать хвост.

Это знали в Берлине уже все.

Но Жуков не включил Береста ни в какие бы то ни было наградные списки.

С общего молчаливого согласия о строптивом лейтенанте решили просто не вспоминать.

...А Верховный Главнокомандующий, который о произошедшем инциденте всё равно узнал – опять же, по легенде – отреагировал своеобразно: *«Наверное, на этого дурака в Берлине бабы не хватило...»*

Вот такая сложилась трагикомическая ситуация.

Правда это?

Неправда?

Во всяком случае, на правду похоже и многое объясняет. Мародёрство, во всяком случае, было, и Жуков за это по головке не погладил.

А Жукова не погладил Иосиф Виссарионович.

Известен выговор генералиссимуса маршалу за сверхкрутые меры:

«...Я считаю этот приказ неправильным и вредным. Он неправилен ввиду его огульного характера и несправедливости, так как из-за мародёрских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказываются весь командный состав до командиров рот включительно.

Он вреден, так как он не укрепляет дисциплину, а наоборот, ломает её, дискредитируя командный состав в глазах рядовых.

Я уже не говорю о том, что если этот приказ попадёт в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную Армию армией мародёров.

Прошу Вас немедленно отменить этот приказ. Найдите форму для отмены приказа, которая бы не набрасывала тень на командование Группы...

Сталин».

Сталин вспоминает об иностранных армиях.

Но это война.

И на ней случалось всякое.

Вот пример одной совершенно занимательной и совершенно ненормальной истории.

Называется она «Братание на Эльбе с американцами».

В одной из частей командир с утра объявил, чтобы завтра все были как огурчики: помыться, побриться, постираться – намечено братание с союзниками.

Историческая встреча!

Наши стояли с одной стороны Эльбы, американцы – с противоположной. Наверное, махали друг другу, перекрикивались, песни пели...

Ночью – приказ: срочно переправиться через Эльбу, во что бы то ни стало выгнать дорогих союзников с секретного заводика, забрать всю документацию!

Приказ выполнили, американцев побили очень много.

А на утро, всё по плану – братание!..

В общем, на войне, как на войне.

Рассказывают, что недобрую роль сыграл Маршал Советского Союза и ещё в одном эпизоде, касающемся знамени № 5.

В первом Параде Победы красный штандарт, развевавшийся над рейхстагом, не участвовал.

Хотя первоначально именно он должен был открывать марш.

Однако во время генеральной репетиции на Красной Площади комбат Неустроев – пять раз раненный, с дважды перебитыми ногами – сбился с шага перед самой трибуной Мавзолея, и Георгий Константинович лично отменил вынос.

Но Степан Неустроев хотя бы был на этом самом Параде.

Об Алексее Бересте даже не вспомнили.

Как не вспомнили и двадцать лет спустя, 9 мая 1965 года, когда Знамя Победы впервые решили вынести из хранилища.

Но пронёс его полковник Константин Самсонов, который в водружении Знамени на рейхстаг непосредственно не участвовал, но звание Героя за это получил.

В общем, на Парад Победы не позвали, а вместо этого и дали то новое назначение, скорее выглядевшее как наказание.

После войны лейтенант Алексей Берест получает должность парторга 303-й корпусной артиллерийской бригады и становится начальником одного из эшелонов с репатриированными – освобождёнными из немецких концлагерей советскими воинами и теми, кто был вывезен фашистами на работы.

На Белорусский вокзал в Москве неизвестный эшелон прибыл на запасной путь поздно вечером. Полковой оркестр их не встречал, журналистов тоже не пригласили – то есть, даже кинохроники не осталось.

Строптивый лейтенант явно кому-то мешал, был ненужным свидетелем.
Доходило до абсурда.

Чтобы он не выступал и не имел защитников, его – на время празднования первой годовщины Победы – официально наделили венерической болезнью и решили упрятать в «специальный» госпиталь.

В приказе войскам 3-й ударной армии № 209 от 23 апреля 1946 года значится:

«Ниже поименованные политработники освобождаются от занимаемых должностей в связи с выбытием на длительное лечение в специальный госпиталь в результате венерического заболевания сифилисом:

...

2. Берест Алексей Прокопьевич – лейтенант, парторг 652 отдельного разведывательного дивизиона 7 стрелкового корпуса».

Сохранился и ответ на эту телеграмму-приказ (24 апреля 1946 года) начальнику политотдела 7-го стрелкового корпуса полковнику Бордовскому от начальника политотдела 303-й корпартбригады подполковника Рыбина:

«Доношу, что парторг 652 отдельного разведывательного дивизиона 303 корпусной артбригады лейтенант Берест Алексей Прокопьевич за период службы в бригаде никакими венерическими болезнями не болел.

Находясь в отпуске, в январе 1946 года, Берест заболел тифом, по поводу чего и находился в военном госпитале на излечении в городе Ростове-на-Дону. В этом же госпитале лейтенант Берест женился на медсестре, с которой прибыл в часть и живёт в настоящее время.

При возвращении из госпиталя лейтенант Берест представил справку из военного госпиталя о том, что он находился на излечении по поводу тифа».

Вечная благодарность за честность подполковнику Рыбину и тем бюрократам, которые эту телеграмму сохранили!

Тогда, передав на вокзале людей, Алексей сразу отправился в свою Горяйстовку – он имел несколько дней отпуска для посещения родного села. И заболел тифом.

Его в бессознательном состоянии отправили в ближайший военный госпиталь. Получился – ростовский. Здесь он и встретил симпатичную медсестру Люсю и вместе с ней вернулся в Германию.

Ирина Алексеевна Берест:

- В госпитале посчитали, что этот офицер уже не жилец, и поместили его в мертвецкую. Ночью от холода он пришёл в сознание и обнаружил себя лежащим среди мёртвых. Это было в ноябре 1945 года.

В госпитале он влюбился в медицинскую сестру, которая ухаживала за отцом, Евсееву Людмилу Фёдоровну, мою маму.

...В то время нужны были послушные герои, слишком он был еришистым, неуступчивым, тесновато ему было в мирной жизни.

Он и женился, взяв жену с боем, чем навсегда покорила тещу....

Как-то раз он запер её в ванной и сказал: «Не выйдешь за меня, застрелюсь прямо здесь».

В январе 1946 года они расписались. Когда отец пришёл в дом бабушки, маминей мамы, она воскликнула: «Люся, там какой-то военный ходит!» - и вышла к нему. - «Вам кого надо?» - «Принимай, тёща, зять пришёл!» - «Много вас тут таких ходит!» - «Может, и много, а теперь я один!»

...Когда его отправляли служить в Германию, он не захотел расставаться с молодой женой. В деревянном ящике провез её через все границы. Поставил начальство перед фактом: «Вот я, вот жена!». Тем ничего не оставалось делать, как смириться.

...И ещё отец трепетно любил свою тёщу, как маму. Ведь он был сиротой.

Дослуживал сухопутный офицер на Черноморском флоте. С супругой ютились в землянке, а потом в домике, сколоченном из снарядных ящиков.

Воспоминания Людмилы Фёдоровны:

- Это были голодные и необустроенные годы. Снимали комнатушку вначале, стирать приходилось в ледяной воде. Наконец я взмолилась и попросила вырыть лучше землянку рядом с частью!

И Алексей взял на помощь матросов, соорудил блиндаж с двумя комнатами и печкой посередине.

Провёл туда свет, а стены обшил досками, воровать которые вместе с матросами ходил в соседнюю часть торпедных катеров.

Когда мне пришла пора рожать, он повёз меня в роддом на машине. Я пожаловалась на тряску, и Алексей, отправив машину назад в часть, несколько километров нёс меня на руках до роддома!

Офицеры в чёрных пилотках не очень уважали представителей сухопутных войск, но Береста любили. На груди у него сиял орден Красного Знамени за штурм рейхстага и взятие в нём фашистов в плен, а рядом – ордена Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, медали.

В семейном альбоме – много фотографий чернофлотцев с надписями: «*Нашему отцу*».

Тогда же Алексей Прокопьевич попытался обратиться в вышестоящие инстанции, практически – безрезультатно. Он добивался не звания, он хотел, чтобы правда о водружении Знамени Победы восторжествовала. А пока её знали только моряки, служившие рядом с ним.

Но вскоре в части поменялся командир и пошли неприятности. Началось всё из-за матросика, который постоянно спал на посту. Его решили отдать под трибунал.

Берест же возразил, что «*посадить человека проще всего, а спать я его отучу*». Разок подкрался, когда часовой посапывал на КПП – и приложил кулаком так, что тот улетел вместе с будкой.

Больше на том посту сновидений никто не смотрел.

Но у начальства были другие представления о педагогике и дисциплине.

Около полутора лет прослужил Алексей Берест в Севастополе и был подведён к увольнению «за двоежёнство», как гласят официальные документы.

В дознании, проведённом 11 августа 1948 года, говорилось, что лейтенант Берест, не расторгнув зарегистрированный 16 сентября 1939 брак с гражданкой Еленой Акимовной Котенко, вступил 8 января 1946 во второй брак с гражданкой Людмилой Фёдоровной Евсеевой.

Так может быть, все, выпавшие на долю этого человека несчастья – наказание за обиженную первую супругу? Чего ж не развёлся-то по закону?

Но что-то уж слишком жестоко...

Береста передают суду чести младшего офицерского состава при Отделе связи Черноморского флота (фрагмент характеристики: «*...выпивка с подчинёнными, заём денег у подчинённых старшин, отказ посещать Университет марксизма-ленинизма, были случаи, когда тов. Берест проявлял недовольство на экономические трудности*») и отправляют в запас.

Сослуживцы проводили Берестов до железнодорожного вокзала в Симферополе – они уезжали на родину Людмилы, на Дон.

Рассказывает бывший старшина милиции села Покровское Пётр Семёнович Цуканов:

- У нас сосед умер, Бересты в эту хатку и поселились, с детьми – четверо. Пол земляной, стены саманные, крыша камышовая. Оконца – у земли. Приехали – чемоданчик и узел с бельём. Ну, я мог выписывать в колхозе картофель, капусту, делились с ними.

Его назначили зав. райотделом кинофикации. Он меня иногда пригласит в кинобудку – выпьем, сидим, он рассказывал, как рейхстаг брал, вроде даже и знамя водружал. А я и сам до Балатона дошёл...

Короче, послевоенная жизнь Береста была нелёгкой и не совсем счастливой, юлить, приспособливаться не мог, компромиссов не признавал. Привлекали Алексея Прокопьевича и по «партийной» линии.

Но! С одной-то стороны – ершистый, а с другой – очень наивный и доверчивый.

Безграничная доверчивость и доброта сослужили Алексею Прокопьевичу недобрую службу.

В 1953 году в кинофикации обнаружили растрату. Обвинили Береста. Хотя версия была шита белейшими нитками, ревизор цеплялся ко всему.

И когда этот служитель Фемиды с издёвкой процедил: *«Надо ещё разобраться, где ты был во время войны, может, отсиживался за чужими спинами?»*, - фронтовик не выдержал, сгрёб обидчика вместе с креслом в охапку и выкинул в окно!

Итог – статья за хулиганство.

Героя войны, участника штурма рейхстага, отправили на четыре года на лесоповал.

- Я был начальником КПЗ, - продолжает Пётр Цуканов, - Однажды входит следователь прокуратуры: «Вот вам – человек, а вот – постановление на арест». Я глянул – сосед мой!

«Алексей Прокопьевич, что такое?» - «Да вот...»

Обыскали его и – в камеру...

Оказалось: из Ростова нагрянул ревизор. Тайно. В Синявке во время киносеанса выявил: народу в зале больше, чем проданных билетов. Заявился к Бересту.

«Вы что же, за моей спиной?» - возмутился Берест. - «Да я бы сам помог вам».

Ревизор держался нагло, ответил резкостью.

Берест, всплыв, приподнял его за грудки и вышвырнул со второго этажа. Вместе с креслом. Сам же явился к начальнику милиции: «Я сейчас ревизора выбросил». - «Ну, выбросил и выбросил...»

Береста подставили. Кассирша Пилипенко из Синявки ещё до Береста дважды проворовывалась, её выручал помощник районного прокурора Тресков, с которым они вместе пьянствовали. Правда, с работы пришлось её увольнять.

Теперь пришёл новый начальник киносети, и её вновь восстановили. Итог: растрата – 5.665 руб. Уголовное дело возбуждали против Береста, Пилипенко и бухгалтера Мартынова...

После ареста под утро к Людмиле пришёл друг Алексея:

- Спрячьте ценные вещи, придут – заберут всё.

- У меня только двое детей, да вот ещё коза, - ответила та.

Сохранились в Неклиновском архиве документы этого уголовного дела.

Обыск у Берестов.

Самая красноречивая страница – это «Протокол описи имущества». Две строчки: типографское заглавие: *«Наименование и описание предметов»* и карандаш следователя: *«Нет ничего»*.

Нашли кровать прежнего хозяина хаты и столик со стульями, подаренные Цукановыми. Всё!

Свидетели – 17 человек – подтвердили на суде непричастность Береста к недостатке.

Но 14 апреля 1953 года районный суд вынес решение: десять лет за расхищение социалистической собственности.

На основании амнистии от 27 марта 1953 года срок сократили вдвое (потому, наверное, десять и дали, чтобы сразу не меньше пяти получил!)

Жена настаивала: отправляй прошение о помиловании!

Отказался – если хочет, пусть просит от себя. Объяснял: *«Мне нельзя: я себя виноватым не признаю... Значит, мне судилось просидеть в этом аду и побывать в этом уголовном мире... Я ни перед кем на коленях не стоял и никогда не стану».*

Только лет через двадцать нашла Людмила Фёдоровна того следователя. Он признался, что был сумасшедший прессинг – *«или он сядет, или ты вылетишь с работы».*

Жену «врага народа» прописывать в Ростове-на-Дону не хотели, а без этого нигде не брали на работу.

Ирина Берест:

- Мать решила тогда, что она своё отжила. А раз она, то и мы вместе с ней. Мы залезли на печь, холодную, нетопленную. Мама укрыла нас одеялом, обняла.

В студёной хате мы с братом пролежали, прижавшись к матери, три дня. Соседи заметили, что дымка над трубой нет, третьи сутки не открывается дверь, и заподозрили неладное. Выломали дверь, а мы уже едва Богу души не отдали.

Отец так ничего и не узнал об этом куске нашей жизни без него.

А он писал: *«Сфотографируйтесь все вместе, я очень соскучился. Ты спрашиваешь, какой я здесь стал. Я стал очень спокойным. Чем страшнее, тем спокойнее я становлюсь».*

Людмила Фёдоровна решила на (тоже своего рода) подвиг: с двумя голодными плачущими детьми пришла в паспортный стол УВД, села в холле и объявила дежурному, что не уйдёт, пока её не примет начальник!

И добилась своего: уже на следующий день стоял штамп ростовской прописки.

Людмила Берест устроилась сразу на две работы. В первую смену – медсестрой в больнице, во вторую – учётчицей на кирпичном заводе.

Надо было и детей поднимать, и что-то отправлять в посылках Алексею.

Слава Богу, не пришлось мотать весь срок – нашлись влиятельные силы из числа бывших сослуживцев.

Освободили раньше, реабилитировали и даже восстановили в партии.

Но и это Береста не обломало. По-прежнему он говорил, что думал, поступал, как считал нужным.

После тягостных лет разлуки семья поселилась в пригороде Ростова в посёлке Фрунзе.

Начинал свободную жизнь Алексей Прокофьевич с профессии грузчика. А потом устроился на «Ростсельмаш» пескоструйщиком в сталелитейный цех. Тоже работа не из лёгких... Вскоре стал бригадиром.

Но любви властей так и не заслужил.

Квартиру получил «горьковским», или, как тогда говорили, «крававым» методом: после смены ростсельмашевцы сами строили себе жильё.

Трудилась вся семья.

Ирина Берест:

- Квартира была ужасная. На первом этаже двухэтажного дома. Под квартирой была котельная – шум от моторов, а главное – угарный газ поднимался к нам...

Как все могучие люди, отец был очень добр – до наивности. У них в бригаде появился новый слесарь – солдат из армии. Невеста беременная, а он не женится: «Жить негде». Отец поселил их, молодых, в нашей комнате, прописал. Парень, когда выпьет, – дурной был, а отец его жалел. Родилась у них девочка. Они у нас 4 года жили.

Потом исчезли, а в нашу квартиру приезжает вдруг семья – из Свердловска. Оказывается, парень наш потихоньку обменял нашу комнату на квартиру в Свердловске. У нас стало четверо соседей. Но отец и с этой семьёй подружился...

...Отца никогда не приглашали в Москву на парады, но к нам каждый год приезжали его однополчане. В 60-х годах несколько раз приезжал Неустроев: «Что ж ты в коммуналке живёшь, в таких скотских условиях?» Не то, чтобы с сожалением, а с каким-то чувством... самодовольства, что ли: «У тебя что же, даже телефона нет?»

Однажды Людмила всё-таки уговорила его пойти в райисполком:

- Нельзя так дальше жить, Лёша!».

Он пошёл.

Вернулся:

- Там, в приёмной, две старушки сидят, плачут – в подвале живут. Люся, ну мы же с тобой не в подвале живём...

- А как выпьют, - продолжает Ирина Алексеевна, - Неустроев снимает свою Золотую Звезду и протягивает отцу: «Лёша – на, она – твоя». Отец отвечает: «Ну, хватит, Степан...»

Отцу это было неприятно, больно. Он до конца жизни страдал. Ему было неудобно и больно, он не любил этого, как не любил и трансляций парадов в День Победы. Всегда выходил из комнаты или выключал телевизор.

Понимал, что как судимый, лишился всего прошлого, но, обращаясь к высоким военным руководителям, просит, требует установить историческую справедливость.

Один раз отправил письмо даже Н. Хрущёву. Описал всё, как было: как с боем поднимались на крышу, как укрепляли Знамя, как ходил к немцам на переговоры.

Наконец, в ноябре 1961 года ЦК КПСС решил собрать в Институте истории марксизма-ленинизма закрытое совещание по этому вопросу.

Вызвали и Береста.

Слово Алексею Прокопьевичу Бересту:

- Сперва нас пригласили на Старую площадь в кабинет Сулова. Там был начальник Главного политического управления армии маршал Голиков, генерал-полковник Перевёрткин, бывший командир нашей дивизии Шатилов и ещё много других военных и гражданских.

Выступил Перевёрткин, сказал, что из 34 удостоенных звания Героя почти половина приходится на 150-ю дивизию. И никого с наградами не обошли.

Шатилов подтвердил то же.

Я надеялся на Неустроева, потому что тот больше всех знал обо всём этом, но он молчал, пряча от меня взгляд, смотрел в стол, а когда говорил, то повторил уже сказанное.

Я не выдержал, воскликнул: «Неужели и здесь не хотят слышать правду?»

В ответ Сулов ударил ладонью по столу: «Я лишаю вас слова, Берест!»

В конце концов, решили ничего не менять, оставить, как было.

В объёмистом 5-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 -1945» это сообщение занимает всего шесть строк:

«В ночь на 1 мая по приказу командира 756 полка полковника Ф. М. Зинченко были приняты меры по установлению на здании Рейхстага Знамени, вручённого полку Военным Советом 3-й ударной армии.

Выполнение этой задачи было возложено на группу бойцов, возглавляемых лейтенантом А. Берестом. Рано утром 1 мая на скульптурной группе, венчающей фронтон дома, уже развевалось Знамя Победы: его установили разведчики – сержанты М. Егоров и М. Кантария».

Но и эти скупые строчки, оказывается, стали итогом долгого разбирательства – лишь после того закрытого совещания в Институте марксизма-ленинизма.

В 10-м томе 12-томной «Истории Второй мировой войны» об этом написано немножко больше.

На Ростовской киностудии и в личном архиве режиссёра Романа Розенблита есть документальный фильм «Знамя Победы».

Режиссёр в год 30-летия Победы собрал на даче Сталина в Сухуми Шатилова, Зинченко, Неустроева, Сьянова, Кантария.

Михаил Егоров к тому времени погиб в автокатастрофе.

- Я собрал пять человек, участников той бойни, на даче Сталина в Сухуми, - рассказывает Розенблит, - они приехали из разных концов страны. Командир дивизии Василий Шатилов, первый комендант рейхстага Фёдор Зинченко, командир батальона Степан Неустроев, командир роты Илья Сьянов и полковой разведчик Мелитон Кантария.

В зале Ростовской киностудии темно, в тишине шелестит старая поцарапанная плёнка. На экране – кадры военной хроники, воспоминания участников взятия рейхстага.

В этой группе было такое внутреннее напряжение, что с ними рядом тяжело было находиться. Я усадил их в гостиной за большим столом.

«Вы прошли всю войну, брали Берлин. Невозможно предположить, что кто-то из вас чего-то боится. Время уходит, вас остается всё меньше. Уже Береста нет в живых, погиб Егоров. То, что вы сейчас скажете, навсегда зафиксирует плёнка».

Вот так мы поговорили перед съёмкой.

Стрекочет проектор.

Благодушно, но очень осторожно, заученными фразами, говорит Шатилов: «В 13 часов 30 апреля наша артиллерия открыла огонь по рейхстагу. Канцелярию били так, что 30 минут земля дрожала. А потом поднялась пехота и пошла на штурм. Знамя Победы было вручено Зинченко».

Говорит полковник Фёдор Зинченко: «Я подозвал Егорова и Кантария к окну. «Видите купол? Вот там должно быть знамя».

Как будто исповедуется Неустроев: «Чтобы было надёжно, решили послать Береста. Он дойдёт обязательно – мощный, сильный, волевой. Если что случится с Егоровым и Кантария, он доберётся».

Нервничает и сбивается Кантария – ни он, ни Егоров никогда не упоминали имя Береста.

Только сейчас Кантария – когда напротив сидит Неустроев, пославший их к рейхстагу – вытягивает из себя: «Нам сказали – знамя прикрепите к колонне». Через некоторое время была поставлена другая задача – Бересту, мне и Егорову пробираться на купол рейхстага. Задача Береста – охранять Егорова и Кантария. Мы пробрались на крышу. Показали знамя, чтобы все видели.

Он до конца прошёл с нами.

Режиссёр за кадром дополняет:

- Вот так впервые было названо имя Алексея Береста.

Эта история до сих пор как натянутая струна. Борьба за славу, самолюбие сильных мужчин, исторические ошибки, намеренные и случайные – здесь много разного сплелось.

Фильм «Знамя Победы» демонстрировали только в Ростове-на-Дону и в Горяйстовке на Сумщине.

Он так никогда и не попал – ни на большой экран, ни на телевидение.

Слишком отличалось то, что рассказывали его герои, от общепринятой легенды.

Но на Ростовской киностудии сняли ещё одну картину о лейтенанте Бересте. Режиссёр Клим Лаврентьев.

Судьба её – такая же.

Ирина Алексеевна привезла этот фильм об отце в Москву.

В кинотеатре – 4000 человек – смотрели стоя.

Но вторую часть ленты показывать не разрешили.

Потому что в ней о молодом советском лейтенанте рассказывал немец!

Когда Алексей с группой автоматчиков прорывался на крышу здания, на одном из лестничных пролётов непонятно откуда появились старик и трое мальчишек. Боец за спиной Береста уже поднимал автомат, но Алексей его остановил.

Старый немец упал на колени и стал объяснять советским солдатам, что они ничего плохого не делали. Берест отдал команду «не стрелять».

В Германии нашли этих выросших мальчишек. Тёплыми словами они вспоминали советского лейтенанта, подарившего им жизнь.

Вот так.

Однажды в ростовской молодёжной газете «Комсомолец» Алексей Прокопьевич Берест был назван Героем Советского Союза.

Конечно, назван ошибочно.

Но эта ошибка весьма красноречива – давно очевидно то, что он им должен быть.

К сожалению, эту очевидность упорно не замечают те, от кого присвоение звания Героя и зависит.

Много раз представители общественности – особенно, ростовчане – по этому поводу обращались и к Климентию Ворошилову, и к Никите Хрущёву, и к Леониду Брежневу, и к Борису Ельцину. Обращались и к Путину.

Ответ не меняется: дважды за один подвиг не награждают.

Однако это не так: боевых наград удостоивались многие участники штурма рейхстага. В том числе и будущие Герои Советского Союза.

То, что у Алексея Береста есть орден Красного Знамени – не факт, отрицающий возможность присвоения звания Героя.

Это разные награды.

Долгие годы имя Алексея Береста находилось под негласным запретом.

Лишь в киноэпопее Юрия Озерова «Освобождение» впервые появляется он на экране. Эту роль сыграл актёр Эдуард Изотов – человек, удивительно похожий на молодого лейтенанта, штурмовавшего рейхстаг.

Ожившие в «Освобождении» всего два эпизода – водружение Знамени Победы и переговоры с немецким гарнизоном о капитуляции – подняли новую волну предложений о присвоении Алексею Прокопьевичу звания Героя Советского Союза.

И снова стереотипный ответ: *«Дважды за один подвиг награждение не производится».*

А в 1997 году (наверное, чтоб не надоедали) Комиссия по государственным наградам приняла решение прекратить награждения за совершённые подвиги в период Великой Отечественной войны и не пересматривать решения военного командования того времени.

И хотя любое решение обычно предполагает исключение, в отношении Береста – глухое молчание.

А ведь даже через полвека после войны звание Героя неоднократно присваивалось именно за совершённое в годы Великой Отечественной. При жизни или посмертно награждались и полководцы, и военачальники разных рангов, и рядовые бойцы, и даже пионеры-герои.

Как пример: получил Звезду Героя – тоже в своё время обойдённый – подводник Александр Маринеско.

Не обделяла себя и сама власть. Так, трижды Герой Социалистического Труда Никита Сергеевич Хрущёв к своему «иконостасу» накануне 70-летнего юбилея добавил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

И пятижды Героем стал Брежнев. И Маршалом СССР.

А ещё Леонид Ильич был награждён высшим советским боевым орденом «Победа», ради чего пришлось менять статус этого самого ордена – ранее он вручался только крупнейшим полководцам, и при этом – за выдающиеся победы в масштабах фронтов.

Значит, можно?

Но вот, наконец, звание Героя Советского Союза (посмертно) Алексею Прокопьевичу Бересту присвоено.

Но Указ этот, подписанный 6 мая 1998 года Сажы Умалатовой, – от имени самопровозглашённого Президиума, образованного в марте 1992 года после упразднения Верховного Совета СССР.

Он по своей инициативе производил награждения.

Многие ему лета, этому Верховному Совету!

Но новое правительство демократической России этот Верховный совет, само собой, не узаконило.

Следовательно, и его указы силы не имеют.

Поэтому, Золотую Звезду за № 5826 и грамоту о присвоении Алексею Прокопьевичу Бересту звания Героя Советского Союза его супруга Людмила Фёдоровна и его дочь Ирина Алексеевна принять отказались: общественностью – Героем Алексей Прокопьевич признан давно, а эта Золотая Звезда – символ оценки высокой, но неофициальной...

Как насмешка...

Уж это-то законно избранный Президент мог бы узаконить!

Но, может быть, демократическая Россия всё-таки сама сподобится и – так долго плутовавшая в кабинетах бюрократов – справедливость, наконец, восторжествует?

Нет. Не сподобится.

Ответ – уже 2004 года:

«За исключительные отвагу и мужество, проявленные в боях за Берлин и при штурме рейхстага, Берест А. П. удостоен ордена Красного Знамени. Действующим законодательством отмена ранее принятых решений о награждении с целью перенаграждения более высокой государственной наградой не предусмотрена.

Учитывая изложенное, Комиссия не поддержала ходатайство о присвоении Бересту А. П. звания Героя Российской Федерации. В настоящее время правовых оснований для реализации Вашего ходатайства также не имеется».

Но ведь Алексей Берест такой – один!!!

Человек, который поставил официальную точку в той страшной войне.

Но нет дела демократической России до человека, который поставил официальную точку в той страшной войне.

Героем его признала Украина.

«За боевую отвагу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, личное мужество и героизм, проявленные в Берлинской операции, и водружение Знамени Победы над рейхстагом, постановляю: Присвоить звание Герой Украины с вручением ордена Золотая Звезда лейтенанту БЕРЕСТУ Алексею Прокопьевичу, 1921-1970 г.г., уроженцу села Горайствивка Ахтырского района Сумской области (посмертно).

Президент Украины В. Ющенко.

Г. Киев.

6 мая 2005 г. № 753/2005».

Это первый и единственный на сегодняшний день случай, когда звание Героя Украины присвоено посмертно.

Итак, Украина.

Героем признать – признала, но от пинка тоже не смогла удержаться.

После того, как Донецкий суд лишил звания Героя Степана Бандеру, некоторые деятели местечкового масштаба тут же выступили с инициативой отменить такой же Указ экс-президента в отношении Алексея Береста.

До сих пор это имя – повод сведения счётов в бесконечных подковёрных политических интригах.

Ничего не хотят знать местечковые деятели – ни о судьбе этого конкретного человека (в частности), ни о судьбе многострадальной нашей Родины (вообще).

Им важно *«соблюсти справедливость»* (несчастное понятие – бесконечно затасканное подлецами всех времен и мастей); *«закон должен быть одним для всех, несмотря на то, нравится это какой-то части общества или нет»*: Берест ведь не являлся гражданином Украины, да и умер в 1970 году в российском Ростове-на-Дону.

Но ведь являлся-то он и умер – гражданином СССР!

А не Израиля, Новой Зеландии, или Мумбы-Юмбы!

Или какой-нибудь Беты Центавра!

И гражданином СССР отстаивал он и Россию, и Украину, и все остальные республики!

И почему вообще органы власти допускают подобные выпады зажавшихся реформаторов?

Неужели же, действительно, кроме подлецов и недоумков в наших правительствах никого нет?

Они даже не знают, что да, действительно, Алексей Берест родился на Украине, но до 1917 года местность, где расположена Ахтырка и её окрестности, Малороссии не принадлежала.

Ахтырская слобода была основана в первой половине XVII века бежавшим с Правобережной Украины бедным людом, и так сложилось, что территория эта всегда принадлежала Московскому государству.

И если бы Берест был жив, считал бы он себя украинцем?

Сказать сложно, хотя можно предположить его реакцию: он – «советский человек», чей «адрес – Советский Союз»...

Наверное, никогда не узнаем мы истинную причину опалы замполита Береста.

Но давайте верить в будущую победу справедливости!

А пока ростовчане сделали то, что в их силах.

В Областном краеведческом музее есть стенд, где увековечен подвиг нашего земляка. Об этом же – экспозиция в музее «Ростсельмаша» (кстати, этот музей, отметивший недавно свой полувековой юбилей, признан лучшим из корпоративных музеев России).

Там же, на Сельмаше, установлен бюст героя.

Улицу Шиферную переименовали в улицу Береста; на Российской, № 17 (где он жил) установлена памятная доска.

Один из шестнадцати барельефов на мемориальном комплексе «Город воинской славы», посвящён его подвигу.

Могила Алексея Прокопьевича на Александровском кладбище – аккуратно ухожена, перед ней – открытая лужайка.

Казалось бы, медленно, но верно справедливость начинает торжествовать.

Вот только Алексей Прокопьевич об этом уже не узнает.

3 ноября 1970 года он совершил свой последний подвиг.

В одной из многочисленных статей есть такие хорошие строки:

«Кто больше всего чувствует доброту? Животные и дети.

Алексей Прокопьевич держал дома ворону с перебитым крылом. Ещё были овчарка Альфа и кот Боцман.

Один раз жена замахнулась на него полотенцем, овчарка кинулась и перехватила руку... А кот провожал Алексея Прокопьевича на работу до автобусной остановки и возвращался домой.

А во дворе своего дома Берест вставал на четвереньки, дети залезали на его огромную спину, с полдесятка, больше, и он катал их».

Алексей Прокопьевич очень любил детей.

И всегда с удовольствием забирал из садика внука Алёшку.

Так было и в этот вечер.

3 ноября 1970 года.

Семь часов, уже темно. На разъезде Сельмаша полно народу, но высокий человек с 5-летним малышом невольно выделяется среди всех. А впереди шла женщина с девочкой.

Оглушительно свистнула, подходя, электричка; и огромная толпа людей кинулась к платформе.

То ли толкнул кто-то случайно девочку, то ли она сама вырвала руку и выбежала вперёд – на рельсы. Кто видел это – онемел: навстречу мчался скорый поезд «Москва – Баку».

Раздался безумный крик матери.

О себе не подумал только один.

Берест.

Бросив внуку: «Подожди», кинулся под колёса и вытолкнул девчонку с путей.

Локомотив ударил могучее тело с такой силой, что его отбросило далеко на перрон.

Он даже попытался сесть, произнёс: «Алёша!».

Это последнее, что он произнёс.

А Алёша плакал, кричал: «Дедушка! Дедушка!...», потом один, сам, нашёл автобусную остановку и приехал домой – никто не удосужился проводить пятилетнего малыша.

Ну, видели же, что это дедушка с внуком! Они друг к другу обращались!

Или оттолкнули внука от дедушки – не до тебя...

Из рассказа Ирины Алексеевны:

- Мы сидим. Открывается дверь. Алёша: «Мама, а дедушку поезд переехал».

Мы с мамой кинулись в больницу. Отец лежал на операционном столе абсолютно белый. Он попытался поднять голову – не смог.

Если бы «скорая» приехала не через три часа, а раньше, его бы могли спасти.

На наших глазах вынесли громадный таз крови. Мама – она же медик – сказала: «Отца больше нет».

Он умер в четыре утра.

Валил снег.

Он умер, а часы на руке громко тикали в тишине, отсчитывая чужое время. Было ему 49 лет.

Патологоанатом сказал: «Он бы ещё сто лет прожил. Внутренние органы все здоровые...»

...За несколько дней до несчастья отец громко кричал во сне. Мама разбудила, спросила, что случилось. Он сказал, что приснилось, будто его в бою тяжело ранили и он умирает.

«Господь с тобой, сколько можно о той войне вспоминать. Лучше давай куда-нибудь ходим, в театр или музей, купишь цветы. Ты так давно не дарил их мне».

«И то правда. На день рождения, обещаю, у тебя будет много цветов», - ответил он.

У мамы день рождения 7 ноября. Отца хоронили 6-го. День рождения, естественно, никто не отмечал, мы с мамой были в чёрных платках, и все комнаты были действительно завалены цветами...

Несколько часов боролся Берест со смертью.

Когда-то она пыталась обморозить его в Финскую; стреляла в спину в Берлине; сжигала тифом уже после Берлина; гноила в ГУЛАГе – и он всегда выходил победителем.

На этот раз последнее слово осталось за ней.

«Герой всегда герой», - писали тогда газеты.

Но герою Бересту отказали даже в месте последнего пристанища на престижном тогда Братском погосте – причём решение это принималось на самом высоком уровне.

Его предали земле на окраине Ростова, в Александровке, на запущенном кладбище, где тогда уже почти никого не хоронили.

О таких, как Алексей Берест, говорят: *«Им бы при жизни памятники ставить».*

Ему поставили после смерти.

25 августа 2005 года в Сумской области на родине Героя Украины – в 63-ю годовщину освобождения Ахтырки от немецко-фашистских захватчиков – в самом центре города состоялось торжественное открытие памятника Алексею Прокопьевичу Бересту.

Застывший в камне, в правой руке он уверенно держит автомат, а левой придерживает командирскую планшетку. Мужественное, спокойное и открытое лицо воина – защитника и освободителя.

Но и при жизни существовал памятник – как будто сделанный с Береста – хотя его прототипом стал сержант Николай Масалов, а скульптору Евгению Вучетичу позировал гвардии ефрейтор Иван Азарченко.

Стоит этот памятник в берлинском Трептов-парке.

Памятник советскому воину-освободителю.

В нём угадываются черты Алексея Прокопьевича: и богатырский рост, и спокойствие державного взгляда, и плащ-накидка на широких плечах.

И меч в одной руке.

И спасённая девочка – в другой.

Видимо, у всех, кто защищал советскую землю от немецко-фашистских захватчиков, есть нечто общее, что привело к долгожданной и выстраданной победе.

А в Ахтырку были доставлены горсти земли из Горяйстовки и из Ростова.

«Дважды за один подвиг награждение не производится»...

Наградите за третий – за спасение жизни маленькой девочки.

Или за второй – за то, что один лейтенант заставил окончательно капитулировать всю фашистскую Германию.

И вернулся живым.

После войны старшая сестра спросила его об этом эпизоде:

- Лёша, ты боялся?

- Конечно, боялся.

Шёл коридорами, а там двухъярусные койки и их – тысячи...

А было ему тогда – всего 24 года от роду!

Вот такой трижды не-Герой Советского Союза.

*

Информация к размышлению: в день капитуляции рейхстага, 1 мая 1945 года, Василию Давыдову было 25 лет, Степану Неустроеву – 22 года, Мелитону Кантария – 24.

Михаилу Егорову 22 года исполнялось через четыре дня – 5 мая.

Навсегда остался 18-летним Иван Прыгунов.

И Сергею Оганову осенью 41-го было тоже только 20 лет.

Ту Великую войну для нас выиграли мальчишки.

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Амирханян М. Д. Армяне – Герои Советского Союза. Ереван: Наири, 2005.
Бессмертные героев имена. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1978.
Бондаренко И. Нам дороги эти позабыть нельзя. Ростов н/Д: Ростиздат, 1975.
Бондаренко И. Он брал рейхстаг. // Дон. – 1961. – № 6. – С. 15.
Бондаренко И. Штурм Берлина. // Таганрогская правда. – 2010. – 7 мая. – С. 4.
Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат. 1987.
Горбачёв С. Берлинский Маринеско. М.: Политиздат, 1983.
Государственный архив Ростовской области.
Долматовский Е. Автографы Победы. М.: Детская литература. 1955.
Донской временник – 2007. Ростов н/Д: ДГПБ, 2006.
Зинченко Ф. Герои штурма рейхстага. М.: Воениздат, 1983.
Каталог памятников истории и культуры Ростовской области (по городам). Ростов н/Д: Ростиздат, 1988.
Котов М., Лясковский В. Бессмертие. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1947.
Котов М., Лясковский В. В ту суровую осень. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1976.
Котов М., Лясковский В. На Южном фронте. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1981.
Люди земли Донской. Ростов н/Д: Омега-Принт, 2008.
Мотренко Н. Я прикрою: Рассказ о лейтенанте А. П. Бересте. Сумы: ВВП «Мрія-1», 2005.
Неустроев С. Путь к рейхстагу. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986.
Паров И., Чернов С. Так могла начаться третья мировая. // Комсомольская правда. – 1997. – 7 февраля. – С. 4.
Руденко В. Подвиг. // Красная звезда. – 1998. – 2 июня. – С. 2.
Субботин В. Так заканчиваются войны. М.: Детская литература, 1973.
Трояновский П. На восьми фронтах. М.: Политиздат, 1979.
Чернявский Б. Такая жизнь. // Сельская жизнь. – 1989. – 31 января. – С. 4.
Шагинян, Ш. По велению сердца. Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2004.
Шатилов В. Знамя над рейхстагом. М.: Воениздат, 1975.
- <http://chaltlib.ru/articles/resurs/kraevedenie>
<http://gsvg88.narod.ru/finov/Janov.Htm>
<http://keep4u.ru/imgs/s/080815/44/44a4012fb069e81387.jpg>
<http://klubogromnoenebo.narod.ru/>
<http://melkiyshaman.livejournal.com/112268.html>
<http://promved.ru/articles/article.phtml?id=1856&nomer=64idi5.nnov.org/blog/2320969.html>
<http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st011.shtml>
<http://rostov.rsu.ru/memorial/page3.htm>
<http://ru.hayazg.info>
<http://ru.wikipedia.org/wiki> http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1014
<http://serge@opinion.spb.ru>
<http://sw72.narod.ru/songs/space.htm>
http://yak-28.maverick-lab.net/library/yanov_kapustin

<http://wap.207msd.forum24.ru/?1-16-20-00000006-000-0-0-1215973047>
<http://werawolw.ru/?p=5678>
<http://www.bukvaved.ru/detektiv/27672-zapovednoemmesto.html>
<http://www.fawkes.ru/2010/podvig-egorova-i-kantarii.html>
<http://www.flugzeugforum.de>
http://www.duel.ru/200731/?31_2_1
<http://www.ekai.narod.ru/istoria.html>
http://www.historyonesong.com/2009/10/ogromnoe_nebo/
http://www.kalitva.net/2007/10/03/razgrom_gitlerovcev_pod_rostovom.html
<http://www.mil.am/hay-herosner/html/08-oganol-sergey.htm>
<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/498903/>
<http://www.proza.ru/2009/11/02/137>
<http://www.ref.by/refs/33/7588/1.html>
http://www.rostovbereg.ru/publ/istorija_donskogo_kraja
<http://www.Stanichnik>
<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/1450298/Britains-secret-jet-crash-Cold-War-coup.html>
<http://www.voopiik-don.ru/main>
<http://www.zn.ua/3000/3760/50006/>
<http://www.1tvrus.com/anonce/vremya/8904/?tz=6>

Книга «Просто подвиг» рассказывает о героической судьбе людей, связанных с Донской землёй. Это связист Алексей Берест, это артиллерист Сергей Оганов и это лётчик Борис Капустин.

Каждый из них – в разное время и при разных обстоятельствах – осознанно пошёл на гибель во имя других.